

K-7890.5

166322

VI. 793

4

СЕРІО
1965

ЦЕНТРАЛЬНА
НАУКОВО-УЧБОВА
БІБЛІОТЕКА

ІНСТРУМЕНТИ
1965

К-789-0.5.

ОСТАПЪ

БОНДАРЧУКЪ.

466322

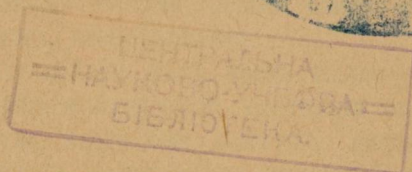
1954

РОМАНЪ

~~711-793~~

Іосифа КРАШЕВСКАГО.

2/45

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Н. Ө. Мертца.

1899.

58

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1899 г.

Остапъ Бондарчукъ.

I.

Происшествіе, здѣсь описываемое, случилось вскорѣ послѣ губительнаго 1812 года, столь памятнаго въ лѣтописяхъ міра и ознаменовавшаго слѣдъ свой и въ нашемъ краю развалинами, пожарищами, могилами, не одной утраченной надеждой, не одной болѣзненной потерей. Послѣ общаго изнеможенія, настала минута тишины и *оупокоенія*, какъ-бы *преддверіе* новыхъ бурь.

Войска новаго Александра, новаго Цезаря, поразивъ Сѣверъ въ самое сердце, отступили назадъ: полузамерзшія, полуточаянныя, гонимыя съ оружіемъ въ рукахъ волей завоевателя, они оставили послѣ себя слѣды, подобные тѣмъ, какіе остаются послѣ бури или саранчи.

Повсюду видѣлись пожарища, груды костей, могилы и развалины.

Большая часть края представляла собою грустную пустыню. Крестьяне бѣжали изъ своихъ жилищъ, господа — изъ своихъ замковъ: каждый спѣшилъ укрыться въ городскихъ стѣнахъ или въ глуши лѣсовъ. Обгорѣлыя деревни опустѣли; барскіе дома уныло стояли съ выбитыми окнами; поля, носившія на себѣ слѣды бивуака, оставались незасѣянными.

Страшно опустошеніе войны! Лѣтъ чрезъ тысячу, когда люди будутъ жить согласнѣе и будутъ въ состояніи оцѣнить собственное свое достоинство, когда они поймутъ, наконецъ, что не всякій же споръ долженъ вести къ кулачному бою, или къ истребленію другъ друга,—тогда битвы нашихъ временъ покажутся страшными сказками для нашихъ внуковъ и правнуковъ.

Всякій, кто будетъ читать описаніе кровавой борьбы цѣлыхъ народовъ противъ подобныхъ же себѣ, скажетъ въ душѣ: что за дикіе варвары были отцы наши!

И по нашей Волини тянулись отряды многочисленной Наполеоновской арміи, и въ ней они оставили слѣды своего похода.

Взглянемъ на деревушку въ долину, между двумя холмами. Одинъ изъ нихъ покрытъ молодымъ дубовымъ лѣсомъ, другой окруженъ пашнею, борозды которой заросли травой. Подъ ними разстилается зеленый лугъ, позолоченный цвѣтущими одуванчиками. Возлѣ рѣчки, разлившейся на нѣсколько лужъ, важно прохаживаются красноногіе аисты, летаютъ чайки, жалобно оглашающія воздухъ своимъ пискливымъ крикомъ, блуждаютъ утки, отыскивая въ тростникѣ закрытое гнѣздышко. Съ холма, противъ рѣчки, спускаются крестьянскіе сады, засѣянные коноплей, огороженные плетнемъ, отбѣнные мѣстами цвѣтущей грушею или пошатнувшейся вербою. Но сады эти не обработаны, рѣдко у котораго поднять дернъ, погнутые улья поломаны, только тамъ и сямъ валяются стебли кукурузы или брошенные коцаны капусты. По горѣ стоятъ хаты, каждая противъ своего огорода. Хата волинскаго крестьянина достойна вниманія. Я нимало не удивляюсь избѣ крестьянина лѣснаго края, хорошо построенной изъ толстыхъ бревенъ и покрытой тесомъ. Когда все подъ рукой, немного надо искусства, чтобы выстроить такую избу! Но на Волини, гдѣ часто у цѣлаго селенія нѣтъ прутика лѣса, гдѣ такъ трудно добыть матеріалъ для постройки, крестьянская хижина также достойна вниманія, какъ мазанка въ Бессарабской степи. Впрочемъ, въ Бессарабію то моремъ, то Днѣстромъ, подвозятъ еще иногда лѣсъ; къ тому же большій достатокъ тамошняго народа даетъ средство повсюду замѣнять дерево камнемъ. На Волини же, Богъ знаетъ, изъ чего и какъ строится хата.

Нѣсколько кривыхъ дубовыхъ или осиновыхъ столбовъ подпираютъ ее по сторонамъ. Березовыя или осиновыя полусгнившія, кривыя балки, служатъ подпорками крыши. О тесѣ и говорить нечего: его замѣняютъ ободранные осиновые прутья, безобразно прицѣпленные одинъ къ другому, такъ что, когда солома облежится, то вся крыша или подымается буграми, или образуетъ ямы, черезъ которыя дождь ручьями проходитъ въ

мазанку и ускоряетъ ея разрушеніе. Стѣны, заваленныя бревнами, служатъ цѣлой семьѣ защитой отъ зимней непогоды и страшныхъ вьюгъ. Внутри и снаружи хата каждагодно обмазывается и огораживается валомъ изъ земли или навоза. Надъ прорубленнымъ маленькимъ окошечкомъ виситъ кусокъ свернутой соломы. Въ такомъ видѣ она существуетъ многіе годы; зато старость ея очень печальна.

Не скоро поселянинъ думаетъ о новой хатѣ. Для него это невозможно. Крыша развалится, поростетъ мхомъ, травой и житоми. Стѣны уйдутъ въ землю, такъ что и окно придется на завалинкѣ, срубъ разойдется вкось, а все зовутъ ее хатой, все живутъ въ ней люди. Нерѣдко и крыша слѣзетъ, стѣны вывалятся, но и это не бѣда; ихъ подопрутъ, и всетаки живутъ въ нихъ. Трудно выстроить жилье въ безлѣсной сторонѣ. Гумно огораживается плетнемъ и, изъ экономіи, одной стороной примыкаетъ къ хатѣ; хлѣвъ и сарай тоже прижаты къ ней. Зато, когда искра попадетъ на крышу, — нѣтъ спасенія: все горитъ, Тутъ ужъ, поневолѣ, придется подумать о постройкѣ новаго жилья.

Послѣ двѣнадцатаго года, избранная нами деревенька представляла самую грустную картину. Нѣсколько хижинъ были совершенно разобраны; торчали только оставленные столбы и развалившіяся черныя печи. Плетни заборовъ лежали на землѣ, огороды покрыты были хворостомъ и крапивою. Кое-гдѣ виднѣлись слѣды недавняго пожара. Истоптанная земля свидѣтельствовала о недавно стоявшихъ тутъ лошадяхъ. Груды костей валялись по дорогѣ, вороны клевали остатки падали.

Гробовая тишина прерывалась только ихъ карканьемъ. Крестьянъ возвратилось еще мало. Оттого рѣдкая изба топилась, и рѣдко человѣческая фигура показывалась на широкой улицѣ, частию поросшей уже травой.

На концѣ селенія былъ старый панскій замокъ. Звали его замкомъ потому, что тотъ, кто жилъ въ немъ, назывался графомъ. Это было желтое, одноэтажное строеніе, съ четырьмя колоннами спереди, съ двумя флигелями по бокамъ, съ рѣшеткой, раздѣленной кирпичными столбами, и съ высокими каменными воротами, украшенными двумя глиняными сосудами. Послѣ войны, рѣшетка была выломана, штукатурка со столбовъ осыпа-

лась и одна часть воротъ обрушилась. Замокъ представлялъ не очень красивый видъ.

Въ большей части оконъ не было стеколъ, и даже рамъ; иныя были затворены ставнями, иныя забиты досками, а другія сдѣлались пріютомъ воробьевъ и ласточекъ. Одинъ изъ флигелей служилъ, повидимому, конюшней; въ другомъ же—одна половина была пустая, а другая занята управляющимъ.

Въ переднемъ фасадѣ замка, не знаю какимъ образомъ, пушечное ядро пробило дыру надъ самымъ стертымъ гербомъ владѣльца. Ласточки тутъ же прилѣпили себѣ гнѣздышко, разрушеніе послужило имъ въ пользу.

Грустно было войти внутрь зданія. Поврежденная крыша пропускала снѣгъ и дождь, грязныя струи которыхъ лили на выбитый и выломанный полъ, на алебастровыя статуи и на расписанныя мозаическія стѣны.

Замокъ самъ повѣствовалъ о своемъ бѣдствіи: въ сѣняхъ прострѣленные стѣны, обвалившійся потолокъ, разбитыя двери.

Въ комнатахъ были кучи пепла и угля, кресла и столы безъ ножекъ, вмѣсто печей одни кирпичи. Въ столовой висѣло въ безпорядкѣ нѣсколько фамилныхъ портретовъ, разрубленныхъ, ободранныхъ и прострѣленныхъ. Большой бильярдъ безъ сукна закрытъ былъ соломой; къ зеленому снурку, на которомъ висѣлъ паукъ, привязана была веревка, служившая висѣлицею, подъ ней была черная запекшаяся лужа. Вездѣ валялись кости, клочки бумаги, пыжи, обломки мебели и лохмотья одежды. Стѣны исписаны были разными неприличными словами.

Въ кабинетѣ стояло разрубленное сабелными ударами фортепіано, а на полу валялись бѣлыя клавиши: разбитая арфа висѣла на кольцѣ; пустыя рамы картинъ затянуты были трудолюбивымъ паукомъ.

Въ библиотекѣ всѣ шкафы были пусты, только нѣсколько растрепанныхъ книгъ валялось въ безпорядкѣ, и вырванные листы бѣлѣлись по угламъ.

Не уважили даже церкви, не пощадили святыни. А между тѣмъ люди, такъ звѣрски обращавшіеся съ чужимъ добромъ, не были варварами; они пришли съ образованнаго Запада, война сдѣлала ихъ дикарями. Солдатъ многое себѣ позволяетъ. Завтрашній день не принадлежитъ ему.

Церковный крестъ былъ разсѣченъ на двѣ части и пробить пулями, изъ алтаря были сдѣланы ясли.

Въ саду лучшія деревья были повывернуты, мосты срублены, бесѣдки уничтожены, и кой-гдѣ изъ кустовъ выглядывали обломки каменныхъ статуй: то голова безъ носа, то рука безъ пальцевъ. Садки покрыты были плѣсенью.

Во флигелѣ, почти заново отдѣланномъ, занималъ двѣ комнаты панъ Мрозовскій, возвратившійся къ своей должности, какъ только все успокоилось и затихло, и оставившій въ Луцкѣ жену и дѣтей.

Но онъ могъ спокойно отдыхать, потому что некому и нечего было работать и не за кѣмъ было смотрѣть. Крестьяне, хотя и возвратились, но должны были опять уйти на заработки, потому что дома нечего было ѣсть, нечего сѣять, нечѣмъ пахать, не откуда было взять ни хаты, ни косы, ни зерна, тѣ, которые имѣли лошадей или вола, должны были продать ихъ, чтобы чѣмъ нибудь кормиться. Обязанности пана Мрозовскаго ограничивались вздохами, взглядами, разспросами, куреніемъ трубки и прогулками по деревнѣ. Озимыя поля остались незасѣянными, да и ярового тоже не кому и не чѣмъ было засѣять.

Аккуратно всякій день, Мрозовскій, закуривъ коротенькую трубку, отправлялся въ барскій замокъ.

Войдя въ сѣни, онъ останавливался, смотрѣлъ, пожималъ плечами, качалъ головой и, подвигаясь впередъ, все разсматривалъ, надъ всѣмъ задумывался. Обойдя со вниманіемъ весь замокъ, возвращался онъ въ свои комнаты, садился на сундукъ и грѣлся у очага.

Ежедневныя размышленія управляющаго продолжались иногда до поздняго вечера.

Послѣ обѣда, приготовленнаго бывшей нѣкогда господской кухаркой, Мрозовскій ходилъ по деревнѣ, гулялъ по незасѣяннымъ полямъ, толковалъ съ крестьянами, надѣлялъ ихъ совѣтами, ходилъ къ арендатору Лейбѣ, содержавшему уже постоянный дворъ на большой дорогѣ, и, выпивъ стаканчикъ водки, возвращался домой. Въ праздничные дни онъ ѣздилъ къ женѣ въ Луцкъ, но на другой день рано былъ уже при своей должности.

Постоянно задавалъ себѣ панъ Мрозовскій одинъ вопросъ: какъ это злодѣи ничего не пощадили, и что скажетъ графъ,

когда прїѣдетъ? Онъ писалъ графу, но не получилъ отвѣта и предполагалъ, что письмо его не дошло.

Однажды утромъ, когда онъ уже окончилъ осмотръ пустого замка, и собирался уйти къ себѣ, до него долетѣли звуки почтовой трубы, хлопанье бича и стукъ экипажа. По немъ пробѣжала дрожь.

— Боже мой, кто это ѣдетъ?—подумалъ онъ.

Труба звучала все громче.

— Да кто же это!—воскликнулъ Мрозовскій и побѣждалъ, какъ угорѣлый.

И точно, по щебню катилась громадная желтая дорожная карета, запряженная шестью лошадьми, за нею коляска, а за коляской бричка.

— Вѣдь это графъ! Съ чего начать?—вскричалъ съ отчаяніемъ ломая руки, управляющій. Карета подъѣзжала уже къ крыльцу.

Изъ окна кареты высунулась сѣдая голова графа, съ румянымъ лицомъ, отвисшими щеками и сѣрыми, заспанными глазами.

Графъ взглянулъ и воскликнулъ.

Мрозовскій стоялъ съ жалкой миной, какъ вкопанный, держа шапку подъ мышкою.

— Что же это такое!—воскликнулъ графъ.

Графиня высунулась, посмотрѣла, закрыла лицо руками и болѣзненно воскликнула.

— Что же это? Развалины!—сказалъ владѣлецъ.

— Какъ всегда бываетъ послѣ войны,—прошепталъ, кланяясь, управитель.

— Но такъ дурно только у насъ, нигдѣ я подобнаго ничего не видалъ!

— По большой дорогѣ, ясновельможный графъ, всюду такъ.

— И такъ, все...

— Разорено, — сказалъ Мрозовскій.

— А деревня?

— Какъ и все.

— А люди?

— Половины ихъ нѣтъ.

— А поля?

— Не засѣяны.

— Но вѣдь это развалины, страшныя развалины!

— Развалины, ясновельможный панъ.
— Какое несчастье!
— Подлинно, несчастье! — повторилъ со вздохомъ Мрозовскій.
— Что же ваша милость тутъ дѣлала?
— А что же я могъ дѣлать противъ арміи!
— Какъ что? Просить, хлопотать у генераловъ, у старшихъ, жаловаться, наконецъ.

— Одинъ нѣмецкій генераль, напившись пьянъ, приказалъ было меня повѣсить въ большой залѣ; насилу офицеры отняли. Жену и дѣтей я долженъ былъ скрыть въ городѣ, а самъ не безъ опасности оберегалъ или наблюдалъ за имуществомъ ясновельможнаго пана.

— Что же вы сберегли?
— Какъ что? Все, что видитъ ясновельможный графъ.
— А хозяйство?
— Не имѣю кѣмъ пахать, что пахать и что сѣять.
— И въ самомъ дѣлѣ, ничего не посѣяно?
— Не посѣяно, ясновельможный панъ, но Лейба общается.
— Но что же намъ дѣлать? — сказала графиня. — Домъ въ развалинахъ, пустой, людей нѣтъ, здѣсь нельзя жить.
— Графъ потерялъ себѣ лобъ. Мрозовскій стоялъ молча.
— Гдѣ ваша милость живете? — спросилъ графъ.
— Въ двухъ комнаткахъ, во флигелѣ.
— Ъхать къ флигелю!

Экипажи двинулись къ флигелямъ. Тутъ графъ, графиня, маленькая дочь ихъ Мизя, нянюшки и слуги — все вышли. Разрушеніе произвело на всехъ сильное впечатлѣніе: все шептались вполголоса, оглядывались со страхомъ, а нѣкоторые побѣжали опять въ замокъ.

Ясновельможные графъ и графиня пошли тоже взглянуть на барскій домъ.

Сурово и грустно прошелъ графъ по комнатамъ. Жена его плакала, повиснувъ на его плечѣ, ежеминутно останавливалась и ломала себѣ руки при видѣ своей любимой мебели — совершенно изломанной, своихъ комнатъ — обезображенныхъ. Люди, слѣдовавшіе за господами, молча показывали другъ другу то стрѣлы, то части обломковъ, то куски разорванныхъ тканей. Мрозовскій шелъ сзади, потупивъ голову.

Изъ дома графъ направилъ шаги свои къ балкону, ведущему въ садъ. Тутъ Мрозовскій какъ-будто чего-то испугался, однако же этого никто не успѣлъ замѣтить.

По сломаннымъ ступенькамъ сошли они на лугъ, потомъ повернули вправо по улицѣ. Управитель слѣдовалъ за ними, люди тоже; Мрозовскій только кряхтѣлъ неспокойно и вертѣлся во всѣ стороны.

Пройдя темную улицу, приблизились къ каменной лавкѣ, устроенной подъ старымъ дубомъ. Графъ взглянулъ на управителя.

— Людей съ лопатами!—сказалъ онъ отрывисто.

Управитель провелъ рукою по лбу.

— Ясновельможный панъ, не зачѣмъ,—пробормоталъ онъ, заикаясь.

— Что? Какъ? Почему ваша милость знаетъ, для чего я ихъ требую?

— Сундука нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!—воскликнулъ графъ,—а почему вы знаете, что онъ тутъ былъ?

— Когда сюда явились австрійцы,—сказалъ, смѣшавшись, Мрозовскій,—сейчасъ же стали искать денегъ, ломали стѣны, вынимали полы и, не найдя ничего, отпратились конать въ садъ и нашли.

— Нашли?—повторило нѣсколько голосовъ.

— Нашли, подѣлились и увезли съ собой.

Съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ обернулся графъ къ плачущей женѣ, шепнулъ ей что-то и пошелъ назадъ. Мрозовскій побагровѣлъ и неспокойнымъ шагомъ послѣдовалъ за ними.

Люди побѣжали, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ объ украденномъ сундукѣ. Точно, неподалеку отъ лавки, была замѣтна вырытая когда-то яма, хотя, впрочемъ, она уже немного поросла травой.

— Потеря наша велика,—сказалъ графъ женѣ,—но мы не всего лишились. Не плачь, милая Анета, другіе больше насъ потеряли, а у насъ осталось еще столько, что мы можемъ изгладить слѣды этого опустошенія... *à la guerre comme à la guerre...* Но я подозреваю Мрозовскаго. Впрочемъ, это еще откроется. Пойдемъ теперь во флигель, а завтра займемся дѣломъ и приведемъ все въ по-

рядокъ. Не мучь только сея, моя Анета; люди нашего званія должны ставить себя выше этихъ мелочей. Le désespoir est canaille.

Въ эту минуту изъ чащи деревьевъ выскочилъ оборванный крестьянскій мальчикъ, истощенный, желтый, блѣдный, весь въ лохмотьяхъ, лѣтъ семи или восьми. Сшитая изъ разныхъ лоскутковъ сермяга едва прикрывала грудь и бока его, ноги были не обуты, голова не покрыта, а на блѣдномъ лицѣ, несмотря на видъ испуга, страданія, слѣдовъ болѣзни и глубокой бѣдности, господствовало выраженіе неизяснимой кротости. Сѣрые глаза были полны слезъ, на узкихъ, сжатыхъ, посинѣлыхъ губахъ мелькала принужденная улыбка, улыбка страдальцевъ. Ребенокъ былъ хорошъ, но печальная красота его была красотою засохшихъ цвѣтовъ растенія, побитаго морозомъ. Лицо прячущагося дитяти поразило графиню, и безъ того уже потрясенную видомъ опустошенія. Мальчикъ перескочилъ улицу, обернулся и скрылся въ близлежащихъ кустахъ.

— Что это за дитя?—спросила панни.

— Панъ Мрозовскій, что это за ребенокъ?—повторилъ графъ.

— Это, ясновельможный панъ, сирота изъ здѣшней деревни. Цѣлая семья вымерла отъ горячки; онъ прибѣгалъ сюда просить милостыни. Сынъ Бондарчука, зовутъ его Остапомъ.

— Неужели у него нѣтъ родныхъ или близкихъ?

— Никого, ясновельможная панни! Родные Бондарчуковъ первые ушли изъ деревни и еще не возвращались.

— Какъ же онъ существовалъ?

— Какъ червячки и птички, ясновельможная панни.

— И даже зимой?

— И зимой.

— И во все послѣднее время никуда не уходилъ?

— Нѣтъ, постоянно былъ у замка.

— Но чѣмъ же онъ занимался?

— Не знаю, право. Днемъ онъ никогда почти не показывался. По ночамъ видали его бродящимъ по пустымъ хатамъ и грѣющимся у тлѣющихъ головешекъ. Нѣмцы, которые тутъ стояли, кормили его изъ милости, и я самъ видалъ, какъ они давали ему вылизывать свои котелки.

— Бѣдное дитя!—отозвалась грустнымъ голосомъ графиня.

Графъ, въ свою очередь подъ бременемъ тягостной думы, тоже вздохнулъ, но по другой причинѣ.

Затѣмъ настала минута молчанія. Мальчикъ выглядывалъ на господъ изъ кустовъ, въ половину согнувшись, съ выпученными глазами, готовый, повидимому, броситься въ сторону, какъ дикій звѣрокъ.

Приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ онъ спрятался, графиня стала звать его къ себѣ.

— Поди сюда ко мнѣ, дитя мое, поди!

Мальчикъ посмотрѣлъ на нее.

— Иди же къ ясновельможной панни, — закричалъ Мрозовскій, подымая палку. Остань. при видѣ этой угрозы, хотѣлъ было уже бѣжать, но, услыжавъ вторичный зовъ панни, рѣшился выступить впередъ, искоса поглядывая на управителя. Тутъ, уже во всемъ своемъ величїи, предстало взорамъ присутствовавшихъ нищенское положеніе сироты.

У графини покатились слезы.

— О! воскликнула она, намъ не должно жаловаться и роптать на судьбу, при видѣ такой нищеты.

— Но это разница, — пробормоталъ графъ, взглянувъ угрюмо.

— Они для этого созданы.

— Мужъ! какъ не стыдно... — прервала Анна.

— Иначе Богъ не потерялъ бы этого, — холоднокровно докончилъ графъ.

Графиня начала разспрашивать мальчика. Ободренный сирота отвѣчалъ уже гораздо внятнѣе.

— Былъ ли ты здѣсь въ послѣднее время?

— Былъ.

— Что же ты видѣлъ?

— А что и вы видите... Жгли, ломали...

Вдругъ графъ какъ-будто пробудился.

— Можетъ, ты видѣлъ, какъ вырыли сундукъ изъ-подъ скамьи, которая стоитъ надъ водою?

Мрозовскій страшно поблѣднѣлъ.

— Видѣлъ, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — вскрикнули всѣ, — видѣлъ, какъ иѣмцы...

Управитель стоялъ, какъ приговоренный къ смерти, едва дыша, блѣднѣя и шатаясь.

— Не нѣмцы,—сказалъ мальчикъ.

— А кто же?

— Господинъ управитель съ какими-то людьми приходилъ ночью, выкопалъ, положилъ на возъ и...

Въ это мгновеніе, Мрозовскій исчезъ въ глубинѣ сада. Люди погнались за нимъ.

— Можетъ, ты видѣлъ, куда они его завезли?—прибавила графиня.

— Какъ же, я потихоньку пошелъ за ними. Видно, они боялись везти его далеко, потому что, только-что въ поле выѣхали, тамъ и выконали яму подъ грушей...

— Скорѣй, скорѣй,—прервалъ графъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ,—поспѣшимъ подъ грушу. Мальчикъ, иди съ нами!

И чрезъ нѣсколько минутъ графъ уже былъ въ полѣ, съ людьми и Остапомъ. Подъ старой грушей, несмотря на тщательно убитый дернъ, можно было угадать, по едва замѣтной впадинѣ, недавно взрытую землю.

— Здѣсь,—сказалъ Остапъ.

Люди принялись за заступы, и, къ неописанной радости, заржавленная крыша сундука скоро застучала подъ ударомъ лопаты. Добрались и до замка: онъ былъ не тронутъ. Графъ, приказавъ везти въ замокъ отысканное имущество, поспѣшилъ увѣдомить о томъ жену. Объ Остапѣ же совершенно забыли, и сирота отправился на лугъ, гдѣ нѣсколько ребятъ пасли тощее стадо, грѣясь у едва тлѣющаго огня.

Можетъ быть, графъ, слишкомъ обрадованный своей находкой, и навсегда забылъ бы о существованіи сироты, но жена напомнила ему о благодарности.

— А тотъ мальчикъ?—спросила она его вечеромъ.

— Какой мальчикъ?

— Сирота, который показалъ тебѣ грушу.

— А, правда, совѣмъ забылъ... надобно бы велѣть его накормить.

— Накормить! Только!—сказала графиня.— Вѣдь, кто тебя не знаетъ, можетъ подумать, что ты неблагодаренъ, безчувственъ, что у тебя каменное сердце.

— Но что же больше могу я для него сдѣлать?—спросилъ графъ.

— Мнѣ кажется,—отвѣчала жена,—что ты можешь дать ему вольную, прилично воспитать и устроить будущую судьбу его. Мнѣ кажется, что мы обязаны даже все это сдѣлать.

— И въ самомъ дѣлѣ, ты говоришь правду! Дѣлай, какъ хочешь!

Послѣ этого разговора графиня послала за Остапомъ, котораго едва могли найти въ садовой караульной будкѣ.

На другой день, одѣтый, накормленный, принятый въ число дворовыхъ, нашъ бѣдняжка совсѣмъ ожилъ.

Годъ спустя графиня послала его въ школу, и такимъ образомъ покинутый сирота мало-по-малу становился дѣльнымъ челоѡкомъ.

Мрозовскій съ женою и дѣтьми поѣхалъ въ Подолію, принявъ въ управленіе раззоренное имѣніе. Графъ никогда болѣе уже о немъ не вспоминалъ.

II.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней, по берлинскому широкому бульвару «Подъ липами», гдѣ вечеромъ собирался весь высшій кругъ, между множествомъ экипажей, народа и верховыхъ, шли спокойно два молодыхъ челоѡка и какъ-бы не обращали никакого вниманія на все окружающее ихъ.

По свѣтлымъ волосамъ, а еще болѣе по характеристическимъ чертамъ лица можно было легко узнать, что въ ихъ жилахъ течетъ славянская кровь, и что они гости и пришлецы среди германскаго свѣта. Кромѣ того, замѣтно было, что молодые люди были разныхъ сословій.

Они сѣли на лавку въ печальномъ раздумьи и равнодушно смотрѣли на экипажи, пѣшиходовъ и ѣздоковъ, старавшихся отличиться передъ щеголеватыми колясками прекрасныхъ дамъ.

Старшій изъ нихъ, съ перваго взгляда, обращалъ вниманіе на себя благородными, аристократическими чертами лица. Свободная, веселая и праздная жизнь нѣсколькихъ поколѣній, видимо, оставила свой отпечатокъ на его красивой наружности и осанкѣ: прекрасныя черты, глаза большіе на выкатъ, осѣненные длинными рѣсницами, носъ изящной формы, лобъ высокій, руки маленькія, ноги крошечныя, какъ у женщины.

Но во всемъ его существѣ легко замѣтны были усталость, изнуреніе и миниатюрность: недоставало силы, энергіи, жизнь не кипѣла въ его жилахъ, а текла тихо, медленно, вяло. Черные, лоснящіеся волосы стали уже такъ рѣдки на вискахъ, что лобъ его казался очень большимъ; цвѣтъ лица поблѣкъ, щеки были блѣдны, матовы. Опершись на трость, съ сложенными на крестъ руками, онъ поглядывалъ на все съ какой-то презрительно задумчивостью и какъ-будто ничего не видалъ передъ собою.

Товарищъ его, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, широкоплечій, высокій, бѣлый, румяный, крѣпкій, какъ дубъ, выросшій на хорошей почвѣ, былъ блондинъ, съ голубыми глазами и свѣжимъ, здоровымъ цвѣтомъ лица. Взоръ его былъ тоже грустенъ, но что-то говорилъ. Скинутая шляпа, развѣвающіеся волосы, сдернутая перчатка, согнутая палка въ сильной рукѣ, — все доказывало въ немъ страшную внутреннюю борьбу. Въ его взорахъ, озиравшихъ гулянье, въ его чертахъ лица ясно отражалось каждое впечатлѣніе.

Трудно было объяснить по первому взгляду, что соединяло столь, повидимому, противоположныхъ другъ другу людей. Неравенство ихъ во всемъ проглядывало, даже въ одеждѣ и осанкѣ.

Первый изъ нихъ держалъ въ рукахъ тонкій, батистовый платочекъ, на тоненькой венеціанской цѣпочкѣ висѣлъ золотой лорнетъ очень хорошей работы; трость съ весьма щегольскимъ рѣзнымъ набалдашникомъ взята была въ Парижѣ у знаменитаго Вердье; платье и бѣлье были роскошны и изящны, но просты.

Другой же, напротивъ, небогатымъ своимъ одѣяніемъ, напоминалъ буржуа. Довольно грубая, хотя снѣжной бѣлизны рубашка, мѣшковато пробивалась изъ-подъ чернаго, небрежно затянутого камзола; платокъ едва только слегка сходилъ вокругъ жилистой и мускулистой шеи; руки, изъ которыхъ одна была безъ перчатки, не носили на себѣ слѣдовъ того нѣжнаго попеченія, которое прилагаютъ о нихъ люди высшаго круга; это были руки сильныя, красивыя, но большія, однимъ словомъ — руки труженика, съ мозолями и царапанными пальцами. Когда первый согнулся и оперся на трость, другой придвинулся затылкомъ къ дереву; взоры ихъ, казалось, избѣгали встрѣчи. Глубокое, долгое молчаніе продолжалось около получаса. Наконецъ, первый сказалъ съ усмѣшкой товарищу:

— Евстаѣй, о чемъ ты думаешь? Не сердишься ли ты?

Евстаѣій, окинувъ быстрымъ взоромъ вопрошающаго, отвѣчалъ со вздохомъ и горькой улыбкой:

— А, панъ графъ, можно ли такъ шутить? Могу ли я сердиться?

— Ты снова предаешься своей дурной привычкѣ?

— Быть можетъ, панъ графъ.

Слово это «панъ графъ» выговорено было съ такимъ удареніемъ, что, видимо, становилось уже колкостью и даже насмѣшкой.

— Ахъ, милый Евстаѣій, оставь въ покоѣ мой титулъ!— сказалъ графъ хладнокровно.—Знаю очень хорошо, что значить это въ твоихъ устахъ.

— Оно означаетъ только выраженіе почтенія, которое я къ вамъ питаю.

— Ну, нѣтъ, милый Евстаѣій, меня вѣдь не легко вывести изъ терпѣнія; дай мнѣ руку и заключимъ мировую.

Проговоря эти слова, графъ протянулъ свою руку Евстаѣію; но тотъ, подавая свою, медленно и низко кланаясь, произнесъ:

— Можетъ ли панъ дотрогиваться до руки такого простого человѣка, какъ я?

— Опять колкость и шутки! Неужели ты все еще не можешь простить мнѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ безразсудно, опрометчиво, но которыя, къ сожалѣнію, такъ глубоко уязвили тебя. Клянусь тебѣ, это въ послѣдній разъ и вторично прошу прощенія. Постараюсь быть постоянно осторожнымъ и не говорить тебѣ всего, что у меня на душѣ, чтобы опять какое-нибудь свободное, пріятельское довѣріе не оскорбило тебя чѣмъ-нибудь. Зная меня хорошо, ты знаешь также, что я нисколько не раздѣляю мнѣнія, по которому одному классу людей отдается все, а другому—ничего; извини же!.. Вѣдь только одно слово.

— А это одно слово очень оскорбительно! —вздохнувъ, отвѣчалъ Евстаѣій.

— Но забудь же о немъ! Вѣдь я-же не вспоминаю того, что ты мнѣ на него отвѣтилъ, хотя имѣлъ бы тоже полное право сердиться за твой отвѣтъ. Право, помиримся, милый Евстаѣій.

Наконецъ, послѣдній, взглянувъ на него полными слезъ глазами, подаль ему руку, и сказалъ: могу ли я и въ самомъ дѣлѣ сердиться! я тебѣ такъ много обязанъ! Твоимъ же стара-

ніемъ выведенный изъ предѣловъ моего званія, могъ ли, я забыть хоть на минуту, какая преграда насъ раздѣляетъ! Напрасно и напрасно хотѣли бы мы сблизиться, одно слово разъединяетъ насъ. Извини же меня, и да будетъ миръ и конецъ всему.

Евстаѣій тяжело вздохнулъ, посмотрѣвъ на Альфреда, который окинулъ его холоднымъ, но кроткимъ, взоромъ.

— Сядь, — сказалъ Альфредъ, — сядь, успокойся, не сердись, и не будемъ болѣе объ этомъ говорить.

— Не говорить — невозможно! Одно слово мнѣ все напомнило, а скорое возвращеніе на родину мучить меня. Постоянно слышится мнѣ голосъ, который, какъ-бы изъ глубины души, призываетъ ко мнѣ, напоминая мнѣ, кто я такой.

— Мой пріятель.

— Вашъ слуга.

— Мой милый, оставь же ты меня въ покоѣ.

— Ахъ, графъ Альфредъ, сердце мое тянетъ меня туда, а между тѣмъ все какъ будто опасаясь, дрожишь, томишься. Многимъ я вамъ обязанъ, но многое же и терплю по вашей милости: зачѣмъ вы взяли меня — сироту и вывели изъ моего положенія?

— Понимаю тебя, милый Евстаѣій; но ничего нѣтъ легче, какъ совершенно отречься отъ происхожденія, которое такъ жестоко тебя огорчаетъ. Тысячи людей вышли изъ твоего положенія и стали въ ряду порядочныхъ людей.

— Мнѣ! — загремѣлъ громовымъ голосомъ Евстаѣій, такъ что проходившій въ эту минуту нѣмецъ отшатнулся въ сторону и выбранилъ его порядкомъ. — Мнѣ отречься отъ моего происхожденія! Я солгу: я вотрѣсь туда, гдѣ не мое мѣсто, присвою себѣ то, что не мое, тогда какъ я горжусь моимъ происхожденіемъ. Я за одно только воспоминаніе о трудолюбивыхъ поселенцахъ, которымъ я обязанъ жизнью, не взялъ-бы вашего графскаго достоинства!

— Но зачѣмъ же ты жалуешься? — спросилъ Альфредъ.

— Потому что страдаю.

— Отчего страдаешь?

— Потому что я паря между вами. Ни воспитаніе, ни талантъ (еслибъ я даже имѣлъ его), ничто въ свѣтѣ не замѣнитъ для васъ происхожденія. Взгляни на мое положеніе между вами

и ты поймешь, что меня ожидаетъ. Возвратиться же къ своимъ, какъ бы я хотѣлъ, мнѣ невозможно. Понятія, чувства, все отдѣляетъ насъ другъ отъ друга; а предразсудокъ, или какъ ты тамъ себѣ хочешь, назови, отдѣляетъ меня отъ васъ; и остаюсь я одинъ, отверженный отъ всѣхъ...

— Могъ бы не возвращаться на родину.

— О, это только легко выговорить, милый Альфредъ, — сказалъ, прослезясь, Евстаѳій. — Вамъ, панамъ, всюду открытъ и милъ свѣтъ, меня же привлекаетъ моя земля, наша деревня, старая, обвалившаяся хата, сельское кладбище, все! Но и кромѣ того я обязанъ возвратиться на родину: этого желаетъ твой дядя, а онъ мой благодѣтель!

Альфредъ думалъ и молчалъ; вставъ съ лавки, они отправились далѣе, слѣдуя медленно по липовой аллеѣ. Подъ старыми дубами звѣринца они снова остановились, взглянувъ другъ на друга.

— Знаешь ли, Евстаѳій, что старые эти дубы напоминаютъ мнѣ мои лѣса надъ Смыровой, мой край; скоро тамъ будемъ.

— И это тебя радуетъ?

— Радуетъ ли? Не знаю, какъ сказать. Сердце бьется, но почему, не могу дать себѣ отчета. А ты?

— Радуюсь, грущу и боюсь, все разомъ.

— Боишься, чего?

— Неужели тебѣ надобно это объяснять? — Альфредъ пожалъ ему руку съ участіемъ.

— Но я буду съ тобой.

— О, еще бы и ты оставилъ меня! Если-бы не грустная моя привязанность къ моему краю, не знаю, возвратился ли бы я, не знаю принудилъ ли бы я себя къ такой смѣлости. Мое положеніе...

— Ты вѣчно возвращаешься къ этому грустному вопросу.

— Долженъ думать объ этомъ.

— Почему же?

— Потому что я родился не бариномъ.

— Напрасно ты такъ думаешь заранѣе.

— Нѣтъ, милый Альфредъ, въ нашемъ краю это уже общее обыкновеніе; шляхтичъ только считается человѣкомъ, остальное же не имѣетъ этого названія. Не шляхтичъ старается корчить

его, вкрасться въ дворянское достоинство, чтобы получить гербъ и позаимствовать хотя каплю рыцарской крови.

— Сдѣлай же и ты такъ.

— Ради Бога, не повторяй этого. Я горжусь моимъ происхожденіемъ. Былъ, есть и буду крестьянинъ, сынъ крестьянина и ничего болѣе. Разсуди же теперь, что можетъ произойти отъ первенства моего положенія, отъ предразсудковъ и воспитанія?

— Что же можетъ быть?—сказаль Альфредъ, сгибая съ нетерпѣніемъ палку въ рукѣ.—Я ничего не предвижу, не дѣлаю напрасныхъ предположеній. Воспитаніе даетъ тебѣ входъ всюду.

— Гдѣ встрѣтитъ меня униженіе.

— Не понимаю, почему?

— Пусть унижать меня при входѣ, лишь бы учтивъ былъ пріемъ; но я уже нигдѣ не встрѣчу братства, равенства, связи. Холодная учтивость, обидная и льстивая.

— Опять!

Альфредъ пожалъ плечами и спросилъ:

— Что я—аристократъ, или нѣтъ?

— Ты?

— Да, посмотри на меня хорошенько и отвѣть мнѣ искренно.

— По многому—да, по многому—нѣтъ.

— Вотъ самъ же ты говоришь, что по многому я могу смѣло назваться аристократомъ,—усмѣхаясь прибавилъ Альфредъ,—а все-таки, несмотря на это, я остаюсь твоимъ пріятелемъ и братомъ.

— О, ты исключеніе въ этомъ случаѣ!

— Евстаѣй, напрасно ты предаешься опаснымъ мечтамъ, погоди сперва доказательствъ, а заранѣе себя не тревожь. Вижу, что не могу тебя успокоить, а хуже только дразню. Я вовсе не исключеніе, а совершенно весь принадлежу обществу; порядочно постигаю вещи и могъ бы, кажется, тебѣ ихъ объяснить.

— Дай-то Богъ. Я выше всего, милый Альфредъ, цѣню твою пріязнь и знаю, что это для меня первый и, конечно, послѣдній союзъ такого рода. Постараюсь твердо стать на своемъ мѣстѣ, перенести все и въ себѣ самомъ найти все. Назначеніе мое: помогать, утѣшать, лѣчить братій моихъ, прочее же все предоставляю судьбѣ и Богу.

Проговоривъ это, онъ всталъ растроганный и разгорячен-

ный; видно было, что онъ не высказалъ всего еще, что у него было на душѣ. Альфредъ не говорилъ съ нимъ болѣе; наступалъ вечеръ, и они направились къ городу, къ своей квартирѣ.

На дорогѣ присоединились къ нимъ старые университетскіе ихъ товарищи, безъ студенческихъ атрибутовъ, изящно одѣтые, веселые, упоенные жизнью, какъ всѣ тѣ, которые стоятъ еще на порогѣ жизни, съ необманутыми надеждами. Разговоръ начался общій, безпечный и веселый. Всякій высказывалъ свои предположенія въ будущемъ, нетерпѣливые планы, жаркія грезы. Одинъ Евстаѣй шелъ съ поникшей головой; по чувству деликатности никто не вызывалъ его присоединиться къ этому шумному хору. Альфредъ отвѣчалъ умѣренно и учтиво, шутя надъ окружающими, но не проговаривался ни о чемъ, что самъ думалъ.

Альфредъ былъ прекраснаго рода и наслѣдникъ хорошаго имѣнія. Но у насъ чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь случается, что владѣльцы излишними налогами доводятъ себя до недостатка и нищеты. Гордые славнымъ именемъ своихъ предковъ, они не умѣютъ въ упадкѣ своемъ примириться съ своимъ положеніемъ и умно перенести послѣдствія нищеты. Безъ привычки къ труду, бережливости и безъ умѣнья найти въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, они становятся самыми несчастными людьми, осужденными на тягостную ложь. Жизнь ихъ дѣлается жалкой комедіей, которая часто оканчивается трагедіей. Желая казаться богатыми, счастливыми, покойными, они корчатъ баръ, проживаютъ послѣднее и внутренне страшно терзаются ожиданіемъ завтрашняго дня. Таково было положеніе и родителей Альфреда. Отецъ его, получивъ разстроенное состояніе и обманувшись въ расчетахъ на женитьбу, никогда не имѣлъ довольно смѣлости, чтобы увѣрить себя въ своей бѣдности, и поэтому оставилъ сыну только имя и совершенно уже разоренное имѣніе, которымъ едвали можно было удовлетворить должниковъ.

Отецъ Альфреда и графъ, о которомъ было упомянуто въ началѣ этой повѣсти, были родные братья. Умирающій отецъ Альфреда поручилъ сына брату; а у смертнаго одра данное слово обѣщало Альфреду прекрасную будущность. Дядя Аль-

Альфреда имѣлъ дочь, и легко можно понять, что братья взаимно общались другъ другу.

Дядя принялъ въ свое распоряженіе имѣніе, воспиталъ Альфреда съ полнымъ стараніемъ, какое только могъ оказать. Это воспитаніе ограничивалось приличнымъ обученіемъ французскому языку, музыкѣ, танцамъ, потомъ отправленіемъ въ берлинскій университетъ, куда, впрочемъ, Альфредъ отправился скорѣе по собственному желанію, чѣмъ по распоряженію дяди. Дядя принялъ эту поѣздку за вояжъ, въ которомъ племянникъ могъ изъ Берлина легко объѣхать Швейцарію, Францію и Англію. А такъ какъ вояжъ считался окончательнымъ во всемъ усовершенствованіемъ для людей высшаго круга и былъ необходимою, то дядя говорилъ всѣмъ, что Альфредъ вояжируетъ, но не признавался, что онъ учится въ университетѣ. Въ счастью, Альфредъ, понявъ заблаговременно свое положеніе, чувствовалъ, что ему нужна наука и трудъ въ будущемъ, а потому горячо принялся за работу, пріучалъ себя заранѣе къ умѣренности и лишеніямъ, потихоньку учился одному, не совсѣмъ опрятному ремеслу, и вмѣстѣ съ Евстаѣемъ ходилъ слушать лекціи медицины, за что и получилъ степень доктора. Несмотря на все это, Альфредъ всетаки оставался бариномъ въ полномъ смыслѣ этого слова: одежда его, обхожденіе, наклонности—были совершенно барскія; онъ любилъ удовольствія чисто аристократическія, былъ охотникъ до лошадей, до охоты, до роскоши и окружалъ себя всѣмъ изящнымъ. Въ немъ заключалось два существа, готовыхъ идти по разнымъ путямъ, судя по тому, который судьба предназначить. Онъ готовъ былъ идти по слѣдамъ предковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдовать по тернистому пути людей, добывающихъ всего трудомъ.

Подготовленный такимъ образомъ ко всему, Альфредъ, по выходѣ изъ университета, вступилъ въ свѣтъ, смѣло заглядывая въ будущее. Евстаѣй жилъ сердцемъ, чувствомъ и былъ откровененъ; молодой паничъ напротивъ былъ скрытенъ, холодно на все смотрѣлъ и былъ разсудителенъ въ каждомъ дѣлѣ. Они дѣйствовали съ равнымъ мужествомъ, но совершенно различно. Первый бросался на все, какъ левъ, не соображая препятствій, съ которыми долженъ былъ бороться; другой же рассчитывалъ,

думалъ, боролся и отходилъ прочь. Сердце Евстаѣя было на ладони, по выраженію французовъ, а Альфреда—въ головѣ. Одного узнать можно было въ полчаса, другаго же трудно было изучить въ полгода.

Наука имѣетъ сильное вліяніе на человѣка; Альфредъ былъ тому примѣромъ. Новыя теорія, новыя понятія о свѣтѣ, почерпнутыя изъ лекцій, совершенно переродили его. Дѣтскія впечатлѣнія исчезли, подавленные новыми понятіями, глубоко врѣзавшимися въ душу. Слѣдствіемъ ихъ была потеря вѣры въ дворянство, какъ главное условіе, по понятію его предковъ, для названія человѣка,—въ дворянство, которое себѣ все извиняло, пользуясь исключительной привилегіей на все.

Альфредъ не могъ не вѣрить тому, что люди всѣ едины, всѣ дѣти одного Отца Небеснаго, и что одно существо отличалось отъ другого только индивидуально, но онъ не вѣрилъ, чтобы одинъ родъ людей былъ шляхтичи, а цѣлый другой что-то иное, недостойное быть первымъ. Геній, заслуга опредѣляли для него достоинство дворянства; родъ былъ только приготовленіемъ, помощникомъ для пріобрѣтенія дворянства.

Можно родиться шляхтичемъ и можно имъ сдѣлаться; и изъ крестьянина можетъ выйти шляхтичъ, а изъ шляхтича—слабое, негодное существо. Словомъ, только геній, заслуга обществу, челоѣчеству, дѣлаютъ человѣка аристократомъ, т. е. лучшимъ, высшимъ, избраннымъ, а геній не всегда наследствененъ!

Однако, изъ какого-то страннаго стыда, Альфредъ, не высказывалъ этого убѣжденія, а глубоко хранилъ его въ себѣ. Часто бываемъ мы лучше, чѣмъ кажемся повидимому. Трудно избавиться отъ старыхъ впечатлѣній, еще труднѣе сознаться, что мы имъ измѣнили. Одинъ Евстаѣй, безотлучный товарищъ Альфреда, зналъ, что было у него на душѣ.

Только другъ другу повѣряли они тайныя свои мысли. Пріязнь ихъ имѣла ту рѣдкую силу, которая, производя на дѣлѣ въ обоихъ одинакія впечатлѣнія, по внѣшности обнаруживала различіе ихъ характеровъ.

Два различныхъ мнѣнія объ одномъ предметѣ дополнялись взаимно и составляли цѣлое. Можетъ быть, сама судьба содѣйствовала этому, поставя ихъ на двухъ разныхъ ступеняхъ общественности, раздѣливъ ихъ положеніемъ и внушивъ понятія,

совершенно сходны въ основаніи.

Дружба ихъ была крѣпкимъ союзомъ; мимолетныя недоразумѣнія кончались всегда скорымъ и желаннымъ для обоихъ согласіемъ.

Альфредъ, холодный для всѣхъ, для товарища своего былъ совершенно братомъ. На этой дружбѣ основывалъ Евстаѣй лучшую для себя будущность; непрерывно томимый мыслью о возвращеніи на родину и о томъ, что можетъ съ нимъ случиться въ свѣтѣ, онъ прибѣгалъ къ этой пріязни, какъ къ единственному въ будущемъ спасенію.

III.

Домъ, разоренный и разграбленный въ началѣ этой повѣсти, представляется намъ теперь новымъ, съ блестящей желѣзной крышей, оштукатуреннымъ, окруженнымъ зеленью и возбуждающимъ веселость своей наружностью.

Деревня же находится въ точно томъ же самомъ положеніи, какъ была послѣ войны. Нѣкоторыя хаты подперты, иныя еще ниже упали, иныя присунуты къ обгорѣлымъ столбамъ: однимъ словомъ, стоять, какъ стояли, въ томъ же видѣ и порядкѣ. Только заборы были цѣлы, и огороды засѣяны; движеніе казалось болѣе потому, что прежде совѣтъ его не было. Постоялый дворъ отличается своими яркими желтыми стѣнами, около него стоитъ огромный почтовый домъ, окруженный конюшнями и затвореннымъ дворомъ.

На плотинѣ шумитъ каменная водяная мельница и видѣется домъ мельника. Вдали зеленѣютъ луга, покрытые разными цвѣтами, обширныя поля съ бѣлѣющей гречихой и желтѣющей пшеницею.

Барскій дворъ, обнесенный черной рѣшеткой съ каменными столбами, оканчивался красивыми воротами изъ плитняка. Посреди двора разстилалась зеленая мурава, на которой разставлены были бѣлые вязы и разбиты клумбы цвѣтовъ.

За домомъ былъ садъ, состоящій изъ старыхъ деревьевъ, прорѣзанный протекавшей чрезъ него чистой рѣчкой.

Въ домѣ царствовала тишина; на часахъ въ столовой пробило девять; слуга, во фракѣ, внесъ на серебряномъ подносѣ зав-

тракъ въ большую гостиную. Большой круглый столъ покрытъ былъ завтракомъ à l'anglaise. Кофе, чай, ветчина, яйца, хлѣбъ и разныя печенья разставлены были на великолѣпныхъ фарфоровыхъ тарелкахъ около серебрянаго самовара.

За столомъ, однако, никого еще не было. Камердинеръ, въ черномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, отдавалъ приказанія лакеямъ, передвигалъ тарелки и, озабоченный своимъ дѣломъ, готовился доложить, что уже все подано.

Вдругъ двери съ лѣвой стороны съ шумомъ отворились, и въ дверяхъ показался сѣдой, старый, но еще свѣжій мужчина.

Можно было узнать легко хозяина дома по всему виду его. Съ коротко остриженными волосами, средняго роста, и не очень полный, графъ могъ служить вѣрнымъ типомъ нашихъ пановъ. Прекрасныя черты лица его нѣсколько портились мрачнымъ и угрюмымъ выраженіемъ, высокій лобъ былъ прорѣзанъ морщинами вдоль и поперекъ. Сѣрые, поблекшіе глаза бросали взоры смѣлые, неустрашимые. Молчаливыя уста сжаты были надменно. Лицо, слегка румяное и окруженное сѣдыми и коротко остриженными бакенбардами, ничѣмъ особенно не отличалось; но, всмотрѣвшись, на немъ можно было прочесть выраженіе самодовольства и необыкновенной гордости. Утренній туалетъ графа состоялъ изъ тафтянаго сюртучка, такихъ же панталонъ, желтыхъ сапожковъ и ермолки, покрывавшей лысину. Въ рукѣ держалъ онъ нумеръ французской газеты.

Посмотрѣвъ молча вокругъ себя, онъ знакомъ приказалъ камердинеру, стоявшему смиренно у другихъ дверей, позвать дочь. Лакеи были все у дверей, а графъ, пройдясь по комнатѣ и взглянувъ мимоходомъ въ садъ, занялъ мѣсто передъ столомъ на диванѣ.

Двери снова отворились, и хорошенькая молодая панночка въ бѣломъ пеньюарѣ и большой косынкѣ, небрежно наброшенной, взошла съ улыбкой.

Это была дочь графа, панна Михалина, по обыкновенію называемая Мизя. Высокая, стройная, ловкая, съ благородными манерами, веселой наружностью, брюнетка, но бѣлая и свѣжая какъ блондинка, съ черными, быстрыми глазами, живая и рѣзвая, какъ избалованное дитя—она небрежно поздоровалась съ отцомъ, который заботливо разспрашивалъ ее о здоровьи; по-

томъ сбросила косынку, поправила прекрасные волосы и устѣлась въ приготовленное кресло.

Разговоръ отца и дочери начался, по общему обычаю, по-французски. Отецъ, наклонясь къ ней и цѣлуя ея руку, спросилъ ее тихо:

— Здорова ли ты, Мизя?

— О, здоровехонька.

— А вчерашняя головная боль?

— Проходитъ у меня всегда сномъ.

— Хорошо спала?

— Какъ сурокъ. Встала, однако, очень рано, ходила въ садъ взглянуть на мои цвѣты, ѣздила немного верхомъ.

— Такъ рано?

— А тѣмъ пріятнѣе.

— Одна?

— Былъ кто-то со мной, но, право, не замѣтила, кто именно. Чего тебѣ дать, папа? Чего прежде?

— Сегодня кофе, Мизя.

— По старо-польски?

— Такъ, такъ.

Графъ тяжело вздохнулъ. Наливъ чашку кофе изъ серебрянаго кофейника, стоявшаго на канфоркѣ, Мизя подала ее отцу. Сама же, взглянувъ на завтракъ, стала наливать чай. Потомъ, какъ-бы вспомявъ что-то, обратилась живо къ камердинеру:

— А панна des Roches?

— Докладываль, — отвѣчалъ старикъ съ поклономъ.

И дѣйствительно, въ ту же минуту, главные двери гостиной отворились, и вошла третья особа. Высокаго роста, худая, съ ногъ до головы одѣтая въ черное, явилась des Roches. Она была теперь компаньонкой Мизи, а прежде ея гувернанткой; женщина уже не молодая, но на лицѣ которой видны были еще слѣды неизгладимой красоты. Бѣлая, какъ мраморъ, съ глазами полными огня, только уже впалыми, съ маленькимъ ртомъ, худыми щеками; важная, суровая, строгая — она имѣла въ себѣ что-то удивительно привлекающее. Наружность ея такъ-же за интересовывала, какъ наружность какого-нибудь таинственнаго лица.

Мизя, улыбаясь, попросила ее сѣсть около нея, а графъ, вставъ съ дивана, очень учтиво поздоровался съ ней и снова

усѣлся, извиняясь, что явился къ завтраку въ такомъ утреннемъ туалетѣ.

Она простымъ наклоненіемъ головы отвѣчала на это извиненіе, которое могла счесть и за неучтивость, а потому показала видъ, что будто не замѣчаетъ туалета графа.

Нѣсколько минутъ прошли во взаимно холодныхъ восклицаніяхъ. Наконецъ, Мизя начала много болтать и смѣяться.

— А, а! я забыла спросить тебя, папа: ты долженъ былъ получить извѣстіе отъ Альфреда: когда же онъ воротится?

Графъ, взглянувъ на нее, холодно отвѣчалъ:

— Вчера я получилъ письмо, что онъ уже въ дорогѣ.

— Почему же ты мнѣ сейчасъ же этого не сказалъ?

— Что же тутъ важнаго, милая Мизя?

— Надѣюсь, Альфредъ мнѣ братъ! Сколько лѣтъ не видались, а ты еще спрашиваешь, что тутъ важнаго? Право, папа, ты удивляешь меня... и наконецъ, онъ будущій женихъ мой, неправда ли?

И она начала смѣяться, глядя въ глаза отцу.

Графъ нахмурился, а панна des Roches устремила украдкой на него испытующій взоръ.

— Не отвѣчаешь, папа!—повторила Мизя, смѣясь,—стыдишься?

— Что мнѣ тебѣ отвѣчать, моя милая,—съ принужденнымъ смѣхомъ сказалъ графъ.—Скоро пріѣдетъ Альфредъ.

— Но гдѣ же его письмо? Почему же ты мнѣ его не показалъ?

— Ничего тамъ нѣтъ любопытнаго,—сухо отвѣчалъ отецъ.

— Для тебя нѣтъ, а для меня, можетъ быть, есть. Гдѣ оно? Я хочу его непременно прочесть. Я женщина, я любопытна. Въ твоемъ кабинетѣ?—спросила она, приподнимаясь.

— Послѣ, когда найду

— Но я хочу сейчасъ, папа, я хочу!

— О, избалованное дитя!

— Самъ избаловалъ меня, такъ и сноси все теперь и слушайся твою Мизию. И такъ, гдѣ письмо?

— Въ моей комнатѣ,—сказалъ отецъ.

Мизя быстро вскочила и побѣжала.

Графъ сказалъ съ улыбкой, обращаясь къ панни des Roches:

— Что за безпокойное созданіе!

— Это ангелъ,—отвѣчала французенка.

— Горячій ангелочекъ. Но тѣмъ лучше; будетъ съ характеромъ.

Мизя возвратилась съ торжествующимъ видомъ и съ письмомъ въ рукѣ, которое уже, идя, пробѣгала глазами съ большимъ вниманіемъ.

— Не прошу тебѣ никогда, папа, никогда, что ты не ска-
залъ мнѣ сейчасъ же о письмѣ; не далъ мнѣ его сейчасъ же!
Письмо такое интересное, такое любопытное...

— Но вѣдь ты получила его.

— Еще бы, когда я почти ужъ насильно взяла его у тебя,
а надо бы еще вчера прочесть его.

Она погрозила отцу.

— Увидишь, папа, что я тебѣ сдѣлаю!

— Напримѣръ.

— Всѣ твои планы разрушу, не захочу идти за Альфреда
и...—Тутъ она нагнулась къ уху графа, шепча:

— Выйду замужъ, какъ панни Д...

Отецъ сдѣлалъ видъ, какъ будто смѣется, но вспыхнулъ:

— Дѣлай, душка, какъ хочешь. Ты знаешь, какъ я люблю
тебя, и ни въ чемъ не могу тебѣ противиться! Напрасно ты
увѣряешь меня, что у меня есть какіе-то планы: я никогда
ихъ не имѣлъ.

— Превосходно. Такъ ты отрекаешься?

— Ничего не знаю.

— Ты думалъ объ Альфредѣ для меня?

— Нѣтъ,—съ неудовольствіемъ сказалъ графъ.

— Я припомню эти слова.

Во время этого разговора отецъ былъ видимо чѣмъ-то встре-
воженъ. Мизя съ любопытствомъ дочитывала письмо Альфреда.

— Если онъ такой холодный педантъ и церемонный учти-
вецъ, какимъ я представляю его себѣ по письму,—вскричала
Мизя, свернувъ и бросая письмо, то изъ твоихъ предположеній,
папа, ничего не выйдетъ. Потомъ она снова схватила письмо
и съ новымъ вниманіемъ пробѣжала его.

— И ничего опредѣленнаго не пишетъ мнѣ о моемъ protégé!

— О комъ?—угрюмо спросилъ графъ, хотя зналъ хорошо,
что рѣчь шла о сиротѣ Остапѣ.

— Какъ, о комъ! А о своемъ товарищѣ!

— О товарищѣ! — сказалъ отецъ, — я ни о какомъ не знаю товарищѣ, кромѣ слугъ, — сказалъ графъ съ принужденіемъ.

— Ты считаешь въ числѣ ихъ и пана Евстаѳа.

— Останку, — добавилъ графъ.

— Папа, милый папа, не дѣлай мнѣ непріятности.

— Не понимаю тебя.

— У тебя много старыхъ предразсудковъ.

Графъ презрительно пожалъ плечами.

— Кромѣ шутокъ, — сказала Мизя, пробѣгая письмо, — Альфредъ ничего о немъ не пишетъ.

— Что же онъ могъ написать?

— А, какъ я любопытна, какъ любопытна! Будетъ, по крайней мѣрѣ, одно существо необыкновенное въ нашемъ обществѣ, новое, оригинальное.

— Въ нашемъ обществѣ! — подхватилъ графъ съ гнѣвомъ.

Мизя, какъ-бы не замѣчая этого, dokonчила:

— Что-то эксцентрическое, необычайное: сирота, мальчикъ, воспитанный и поставленный иначе, чѣмъ обыкновенно.

— О ради Бога, довольно, я не могу долѣе выдержать, — воскликнулъ отецъ. — Что тутъ удивительнаго! Что тутъ эксцентричнаго! Сирота, мужикъ, изъ котораго я сдѣлаю лѣкаря въ моихъ помѣстьяхъ.

— Альфредъ пишетъ, что онъ докторъ.

— Это все равно, — хладнокровно добавилъ графъ, — докторъ, цирюльникъ, — дамъ нѣсколько сотъ золотыхъ и баста! О чемъ тутъ такъ много говорить?

— Ты это искренно говоришь? Но не рѣшай ничего, пока его не увидишь. Можетъ быть, онъ и непохожъ на цирюльника, и въ такомъ случаѣ...

— Будетъ, чѣмъ я ему прикажу быть, — сказалъ графъ.

— Увидимъ. Что же до меня касается, папа, то я чрезвычайно желала бы найти въ немъ что-нибудь оригинальное, необыкновенное. Мы все, милый папа, не исключая ни меня, ни тебя, ни тѣхъ, которые насъ окружаютъ, обыкновенные, уже извѣстные люди; мнѣ скучно, что наше общество такъ однообразно, холодно.

Графъ усмѣхнулся, взглянувъ на молчавшую панни des Roches.

— Поблагодаримте за комплиментъ, — сказалъ онъ.

— О, это только сущая правда, — поспѣшно добавила Мизя.

— Такъ ты находишь насъ скучными?

— Это мнѣ не мѣшаетъ любить васъ; но прежде всего — и это правда, папа, — наше общество походить на гладкія садовыя дорожки — очень удобныя, хорошія, но однообразіемъ своимъ чрезвычайно скучныя.

— Ты хотѣла бы что-нибудь больше?

— Зеленую мураву, твердый камень, узенькую тропинку; что-нибудь новое.

— Восторженная голова! — сказалъ графъ.

Мизя нагнулась къ отцу и сказала умильно:

— Что же дѣлать! Не могу быть иначе. Люби меня такой, какова я есть.

— Большая задача!

— Легко разрѣшаемая; ты меня слишкомъ нѣжилъ, оттого я и стала такъ самовольна, такъ шаловлива — *si vous voulez*.

— *C'est le mot*, — сказалъ графъ.

— Да, но какая я теперь, такая всегда буду — неправда-ли, панна?

— Боюсь этого, — тихо отозвалась *des Roches*.

— Почему-же боишься?

Француженка замолчала и задумалась.

— Совершенный сфинксъ, моя милая *des Roches*, вся въ загадкахъ.

— Желаю, чтобы это для тебя и осталось загадкой.

— Надѣюсь, что это не сбудется.

Проговоривъ эти слова, Мизя улыбнулась, показавъ два ряда бѣлыхъ зубковъ, и приказала камердинеру убирать завтракъ. Графъ углубился въ газеты, которыя, новидимому, сильно его занимали. Мизя встала и растворила стеклянныя двери, ведущія на балконъ.

— Еще не жарко, — отозвалась она, вдыхая въ себя воздухъ. *Madame des Roches, voulezvous fair un tour au jardin?*

— *Volontiers*.

Графу подали въ это время трубку съ турецкимъ табакомъ. Обѣ панны вышли спокойно; но строгій наблюдатель физіономій сейчасъ же увидалъ бы, какъ измѣнилось выраженіе лица Ми-

халины. Едва только она отошла отъ отца и осталась глазъ на глазъ съ нанной des Roches, то сдѣлалась гораздо серьезнѣе, (не теряя, однако же, своей миловидности) и, обратясь къ своей компаньонкѣ, сказала:

— Неужели нельзя уже обратить моего отца, милая Софи! Каждый день все то же самое и каждый день напрасно! Скажи мнѣ, всякое ли убѣжденіе такъ глубоко вкореняется и разрастается въ человѣкѣ, что его потомъ ничѣмъ уже нельзя вырвать?

— Ты употребила превосходное выраженіе, — отвѣчала француженка, — убѣжденіе можно уподобить растенію, которое посѣвается и вкореняется и которое уничтожить невозможно. Но не будемъ этому удивляться: молодость, долгая жизнь, общество людей, однихъ съ нимъ понятій, сдѣлали твоего отца такимъ, каковъ онъ есть.

— Обратить его должно!

— Невозможно.

— Грустно увѣрять себя въ этомъ! Такой благородный, такой добрый человѣкъ, такое золотое сердце!

— Можетъ ли быть иначе! Онъ родился, воспитался, составилъ въ своемъ убѣжденіи. А все что онъ видитъ, что окружаетъ его, утверждаетъ его въ этомъ убѣжденіи.

— Знаешь, милая моя des Roches, я ужасно боюсь пріѣзда Альфреда; желаю его и боюсь. Что-то говорить мнѣ, что онъ не сойдется съ мыслями папа. Изъ этого произойдутъ недоразумѣнія, неудовольствія. — а вдобавокъ и тотъ еще, кому я протезирую.

— Какъ тотъ, которому ты протезируешь! Развѣ ты его знаешь?

— Да, я очень хорошо его помню; моя добрая мама мнѣ его поручила! Пускай они скорѣе пріѣдутъ, но крайней мѣрѣ у насъ жизни будетъ больше, будетъ о чемъ говорить, думать, хлопотать, хоть бы даже изрѣдка и ссориться. Я умираю съ тоски.

— Съ нами, Мизя?

— Хотя съ вами; наша деревня смертельно скучна, Софи; мы не умѣемъ жить въ деревнѣ.

— Можетъ, это и правда.

— А наше деревенское общество?

— Правда, что скучно.

— И все правда, моя дорогая, что говорю я; вы вѣдь только скрываете, а въ самомъ дѣлѣ сознаете все это. Я убѣждена, что папа, что ты, что всѣ, также великолѣпно скучаютъ, какъ и я. Папа въ особенности; де-Пнудъ давно уже выводитъ его изъ терпѣнія, но только онъ не хочетъ въ этомъ сознаться; живетъ онъ только своими газетами, которыя для меня наискучнѣйшее развлеченіе. *Vous n'êtes pas légitimiste, m-me des Roches.*

— Въ это время показался графъ.

Мизя обернулась, но не сконфузилась.

— А, папа, ты подслушиваешь насъ! Это нехорошо.

Старикъ между тѣмъ держалъ письмо въ рукѣ и лицо его выражала сильное безпокойство.

— Что это за письмо?—спросила Мизя.

— Изъ Скалы.

— Альфредъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ. Безъ толку, прямо къ себѣ, вмѣсто того, чтобы пріѣхать ко мнѣ. Сегодня вечеромъ будетъ здѣсь.

— А, это прекрасно!.. чудесно!.. Я невыразимо рада, дай же мнѣ расцѣловать тебя, папа.

— Постой, Мизя, дай сказать слово и не цѣлуй меня заранѣе, потому что то, что я имѣю тебѣ сказать, не стоитъ вѣрно поцѣлuya.

— А, что же такое?

Графъ принялъ серьезный и торжественный видъ.

— *Ma chère*, прошу тебя объ одной вещи и требую, *si vous voulez*.

— Требую! Папа, что за слово?

— Не отступлю отъ него!—сказалъ серьезно графъ.

Мизя посмотрѣла ему въ глаза, скрыла улыбку и, нахмурилась, нетерпѣливо отвѣчала: слушаю.

— Прежде мать твоя, потомъ ты, взяли на себя покровительствовать сиротѣ; теперь я хочу одинъ имъ распоряжаться. Предупреждаю тебя еще, милая Мизя, что хочу быть господиномъ у себя; прошу, чтобы ты ни въ какія мои распоряженія не вмѣшивалась. Мои дѣйствія должны быть приказомъ для окружающихъ, и по нимъ уже они должны знать, какъ быть и поступать имъ.

— Слушаю, но не понимаю тебя, папа.

— А мнѣ кажется, что это очень легко.

— Легко понять, но трудно растолковать себѣ, для чего, милый папа, ты хочешь лишить меня пріятной возможности услужить ближнему. Буду послушна, не буду ни во что вмѣшиваться.

Сказавъ это, Мизя повернулась и скорыми шагами пошла по аллеѣ. Графъ остался одинъ, смущенный, съ письмомъ въ рукахъ. Каждый разъ, когда съ нимъ дочь разставалась такимъ образомъ, его всегда мучило дурное расположеніе ея духа. Тревожась этимъ, онъ всегда кончалъ тѣмъ, что уступалъ ей. Но теперь, онъ хотѣлъ употребить всю свою власть и въ то же время предвидѣлъ, что останется, какъ обыкновенно, побѣжденнымъ. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ какое-то отвращеніе, какую-то ненависть къ этому сиротѣ. Данное ему первоначально воспитаніе страшно бѣсило графа; сто разъ хотѣлъ онъ постановить этого ребенка въ первобытное состояніе; противился всегда выѣзду Евстаѳія съ Альфредомъ за границу. Но въ то время еще жива была его жена, которая убѣдила его согласиться на эту поѣздку. Теперь, когда сирота долженъ былъ возвратиться, графъ испытывалъ какое-то безпокойство и готовился къ этому возвращенію, какъ къ страшной борьбѣ. Всякій день онъ повторялъ себѣ: „изъ этого добра не будетъ, я отогрѣлъ змѣю и въ этомъ убѣжденъ; нѣтъ примѣра, чтобы изъ мужика вышло что нибудь хорошее: выйдетъ завистливое, ненавистное, подлое созданіе.“ Вѣсти объ успѣхахъ Евстаѳія въ наукѣ сердили графа. «Тѣмъ хуже, говорилъ онъ самъ себѣ, тѣмъ опаснѣе: онъ долженъ имѣть злое сердце, а при умной головѣ это далеко поведетъ».

Графъ относился подозрительно къ Евстаѳію; чувствовалъ что ненавидитъ его, и что ненависть почти всегда вознаграждается ненавистью же и отвращеніемъ. Онъ отъ него не ожидалъ ничего хорошаго.

„Кровь, говорилъ онъ самъ себѣ, — хорошая кровь, хорошая порода—вотъ порука за все хорошее. Нѣтъ, надо его въ рукахъ держать, не спускать глазъ. Кто знаетъ что дѣлается въ его головѣ! Что думаешь. того переменить нельзя, но должно направить». Конечно, всѣ эти опасенія графа ни на чемъ положительномъ не основывались; но иногда человѣкъ изъ фанатизма, изъ предубѣжденія, или, Богъ знаетъ, почему, чувствуетъ ка-

кое-то болѣзненное отвращеніе къ другому человѣку, ему еще неизвѣстному, и разжигаетъ чувства свои до такой степени, что воображаемое принимаетъ уже, наконецъ, за дѣйствительное.

Во время пребыванія Альфреда за границей, получалось отъ него много писемъ. Графа не столько тревожилъ племянникъ, какъ воспитанникъ; графъ все ждалъ чего-то непріятнаго отъ него, хотѣлъ наконецъ придратъся къ чему нибудь, чтобы имѣть право приказать имъ возвратиться домой. Но напрасно.

«Для чего этому Остапу вояжировать! Альфредъ совсѣмъ безъ головы! Избалуетъ его и отдастъ мнѣ его потомъ, такъ что я и знать не буду, что мнѣ съ нимъ дѣлать; ни на что не будетъ годенъ. Богъ знаетъ, можетъ еще быть домашнимъ шпиономъ». Должно сознаться, что страхъ и безпокойство графа оправдывались примѣрами выучившихся мужиковъ, которые, бывшійся какъ птицы въ клѣткѣ въ своемъ положеніи, лишеныя свободы, доходили съ отчаянія до преступленій. Чѣмъ ближе приближалась минута возвращенія путешественниковъ, тѣмъ болѣе возрастало безпокойство графа; оно удвоилось еще и отъ другой причины. Эгоистическимъ преслѣдованіемъ исключительно только своего личнаго обогащенія, безъ обращенія вниманія на состояніе своихъ подвластныхъ, которые гибли отъ введеннаго порядка и отъ жестокаго обращенія, графъ увеличилъ свои доходы и поправилъ свое состояніе. При такихъ обстоятельствахъ, онъ мечталъ выдать свою Мизию за какого-нибудь знатнаго магната. Ему уже намекали объ этомъ.

Но его связывало данное брату слово, по которому Альфредъ долженъ былъ быть мужемъ Мизи.

Онъ очень призадумался надъ возможностью не сдержать даннаго брату слова, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ начали ему нашептывать съ разныхъ сторонъ совсѣмъ неожиданные проекты.

Княжеская корона въ гербѣ приходилась ему по вкусу. Такой союзъ придалъ бы новый блескъ; а что, если-бъ титулъ графскій присоединился къ какому-нибудь княжескому и сдѣлался неразлученъ съ нимъ въ будущемъ? Какъ бы это было пріятно!

Подобныя мысли значительно охладили графа къ Альфреду, онъ даже началъ повторять: „Увидимъ! увидимъ! — и готовился

даже къ нарушенію сдѣланнаго обѣщанія. Не признаваясь ясно себѣ въ этомъ, графъ охаль о томъ, что придется такихъ близкихъ женить и что нельзя быть увѣреннымъ, что они поправятся другъ другу. Словомъ, готовилъ всякія отговорки.

Между тѣмъ, приближалась минута пріѣзда Альфреда, а по мѣрѣ приближенія совершеннolѣтія Мизи — визиты, приглашенія, новыя знакомства, старыя, возобновленныя связи, необычайно льстили гордости графа. Люди, совершенно къ нему равнодушныя, начали около него увиваться, брать его подъ руку, звать его милымъ графомъ и часто у него бывать. Нѣсколько пановъ считали себя ему родными по прабабкамъ; нѣсколько князей вывели тоже родство по женской линіи. Графъ чрезвычайно начиналъ. Но по мѣрѣ того, какъ свѣтъ началъ придавать ему вѣсъ, онъ уже гораздо менѣе цѣнилъ данное брату обѣщаніе. Въ это время онъ счелъ нужнымъ разомъ приготовить дочь къ наступающей перемѣнѣ плановъ. Но она его не поняла. Намеки отца на то, что нѣтъ еще ничего вѣрнаго относительно ея союза съ Альфредомъ, что все отъ нея зависитъ, что онъ не хочетъ ее принуждать и т. п., Мизия приняла на этотъ разъ за предосторожность, за боязнь съ его стороны, чтобы нареченный кузенъ изъ нареченнаго не сталъ отреченнымъ.

Казалось, ей еще никто не нравился. Часто посѣщающая ихъ молодежь не производила на нее никакого впечатлѣнія; она различала только хорошее воспитаніе, пышность, таланты, знатный родъ, связи и состояніе. Веселая, свободная и пріятная въ обращеніи со всѣми, она была со всѣми одинаково учтива. Когда отецъ кого-нибудь ей хвалилъ, она отвѣчала обыкновенно:

— Между всѣми ними я не нахожу никакой разницы. Всѣ, кажется, имѣютъ однѣ мысли, одинъ характеръ, точно также, какъ всѣ одинаково одѣты и одной наружности; нравятся они мнѣ всѣ одинаково, никто изъ нихъ — въ особенности. Было бы несправедливо съ моей стороны отличать котораго-нибудь изъ этихъ пановъ: такъ они всѣ другъ на друга походятъ. Полюбивъ одного, я должна бы полюбить и всѣхъ. Подождемъ.

IV.

Наступилъ вечеръ; въ гостиной, двери которой были открыты на балконъ, находились графъ, не умѣвшій скрыть своего

безпокойства, Мизя, пани des Roches, по обыкновенію грустная и молчаливая. Графъ каждую минуту вскакивалъ со своего мѣста, прислушивался, и увѣрясь, что никто не ѣдетъ, усаживался вновь; чѣмъ долѣе онъ ждалъ, тѣмъ болѣе онъ терялъ терпѣніе.

Мизя читала, или, вѣрнѣе, держала книгу въ рукахъ, пани des Roches что-то такое работала. О разговорѣ и не думали: не было предмета для этого. Изрѣдка только восклицанія графа прерывали долгое молчаніе.

Совсѣмъ стемнѣло; графъ всталъ и началъ ходить.

Наконецъ, онъ позвонилъ, вошелъ камердинеръ.

— Чаю! — сказалъ графъ.

— Не будемъ развѣ ждать? — отозвалась Мизя.

— Развѣ мы не довольно еще ждали, — возразилъ сердито графъ. — Альфредъ, кажется, пошутилъ со мной, объявивъ мнѣ о своемъ пріѣздѣ.

Сказавъ это, онъ снова сѣлъ и погрузился въ чтеніе газетъ. Послышался на дворѣ топотъ, графъ опять вскочилъ.

— Ъдутъ! — сказалъ онъ невольно. Мизя съ удивленіемъ услышала это восклицаніе, означающее, что отецъ причислялъ сюда же и Евстаѳіи; онъ не сказалъ «ѣдетъ», а «ѣдутъ»...

Но вскорѣ, какъ-бы опомнясь, графъ прибавилъ наконецъ:

— Ъдетъ.

— Ъдутъ, — воскликнула Мизя, бросая книгу, — ты справедливо сказалъ — ѣдутъ.

— Ъдетъ, — отвѣчалъ съ неудовольствіемъ отецъ. — Надѣюсь, что Альфредъ.

— Съ товарищемъ.

— Вѣчно свое; слуга не можетъ быть товарищемъ. Опять новости!

Мизя пожала плечами.

Въ то время, какъ все это происходило въ гостиной и графъ старался воздержаться, чтобы не обнаружить своего безпокойства, другая сцена была на крыльцѣ. Изъ экипажа вышли Альфредъ и Евстаѳіи; но въ ту минуту, когда они должны были войти въ сѣни, Евстаѳій задрожалъ, поблѣднѣлъ и, схвативъ за руку товарища, началъ говорить съ нимъ по-нѣмецки.

— Послушай, Альфредъ, зная хорошо твоего дядю и уважая

его, какъ моего благодѣтеля, я не смѣю войти съ тобой, безъ его позволенія. Я останусь здѣсь.

Выговоривъ эти слова, онъ отвернувшись, отеръ съ лица катившійся крупными каплями холодный потъ и сѣлъ на лавкѣ, на крыльцѣ.

— Ты съ ума сошелъ! — воскликнулъ Альфредъ. — Что съ тобою дѣлается?

— Не могу войти.

— Былъ со мной не въ одной гостиной берлинскаго посольства, а здѣсь опасаясь?

— Потому что тамъ всякій, кто бы ни показалъ мнѣ пренебреженіе, былъ для меня чужимъ, — понимаешь? Здѣсь же на мнѣ лежатъ обязанности, а я, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордъ. Представь себѣ, если меня встрѣтятъ оскорбленія, вѣдь я долженъ буду ихъ хладнокровно перенести. Не пойду, право, поди самъ, оставь меня и спроси только обо мнѣ...

— Останемся оба на крыльцѣ — сказалъ Альфредъ — потому что я не пойду безъ тебя. Что за сумасшествіе, что за мысль! Развѣ каждый не имѣетъ права войти, а ты войдешь съ признательностью.

— Такъ, но я войду съ тобой, войду какъ... какъ... я не знаю, я не могу. Не пойду.

— Опомнись, — шепнулъ Альфредъ, — выставляешь меня и себя на смѣхъ людямъ, которые стоятъ тутъ, помилуй.

— Иди, — сказалъ Евстаѣй — иди прежде... я войду потомъ.

Сказавъ это, онъ вскочилъ съ лавки и спрыгнулъ на дворъ.

Альфредъ постоялъ съ минуту, но, придя наконецъ въ себя, надѣвая перчатки и поправляя волосы, сказалъ:

— Хорошо я скажу, что ты занемогъ.

— Говори, что хочешь.

Въ это время графъ нетерпѣливыми шагами ходилъ по гостиной; хотѣлъ бы пойти навстрѣчу племяннику, но, не желая компрометировать себя поспѣшностью, топалъ, пожимался и усаживался вновь за газеты.

Наконецъ, двери открылись, явился Альфредъ; съ распростертыми объятіями бросился къ нему дядя, показывая болѣе чувства, чѣмъ было на дѣлѣ.

— Милый Альфредъ!

— Милый дядюшка!

Графъ бросилъ взглядъ на дверь—никого болѣе не было.

— Что же это значитъ?—подумалъ онъ.—Никого? Гдѣ же тотъ?

«Тотъ» лежалъ у него, какъ камень на сердцѣ, а спросить о немъ, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, онъ не рѣшался. Альфредъ и Мизя нашли другъ друга такими, какими надѣялись видѣть.

— Прекрасно, кузень, приказалъ ждать себя и такъ давно общался быть, но пріѣхалъ не прямо сюда, а въ Скалы! Не очень ты, видно, къ намъ торопился.

Альфредъ, улыбаясь, поблагодарилъ ее за это милое замѣчаніе.

— Простите мнѣ, моя дорогая кузина, причиной тому усталость. Я былъ боленъ отъ дороги и не хотѣлъ пріѣхать къ вамъ больнымъ.

— Поэтому-то и надобно было ѣхать къ намъ—сказала Мизя.— Кто же могъ тамъ походить за тобой въ этой тяжелой болѣзни? добавила она, шутя; но не безъ умысла, желая узнать, что сдѣлалъ Альфредъ со своимъ дорожнымъ товарищемъ.

— Мизя à parfaitement raison,—прибавилъ отецъ,—надо было конечно, пріѣхать прямо къ намъ, и я положительно считаю это непростительнымъ съ твоей стороны.

— Vous êtes bien bon,—отвѣчалъ Альфредъ.—Но что касается до общества и присмотра за больнымъ, то у меня въ этомъ недостатка не было.

— А, вѣроятно, нашелъ кого-нибудь въ Скалахъ?—спросила Мизя, зная хорошо, что тамъ никого не было, и что Альфредъ упоминалъ въ письмахъ о своемъ товарищѣ.

— Никого, но со мной пріѣхалъ...

— А, хорошо, что ты мнѣ напомнилъ,—прервалъ графъ (Мизя покраснѣла и отвернулась).—Что сдѣлалось съ тѣмъ мальчикомъ, съ тѣмъ, съ тѣмъ, какъ бишь его имя? Не припомню, однимъ словомъ, съ моимъ слугой, который готовился въ фельдшера?

— Въ фельдшера?—спросилъ удивленный Альфредъ.—Онъ готовился въ доктора.

— Ну, это все равно. Но что же ты съ нимъ сдѣлалъ?

— Привезъ сюда съ собой... онъ здѣсь.

Всѣ невольно переглянулись съ любопытствомъ.

— Почему же онъ не вошелъ съ тобой?—спросила Мизя.

Альфредъ хотѣлъ отвѣчать, но графъ прервалъ его.

— Почему не вошелъ? Но что же бы онъ сталъ здѣсь дѣлать? Это доказываетъ большой тактъ съ его стороны, это мнѣ нравится—онъ пошелъ на хуторъ—с'est ça.

— Извините, милый дядюшка, — отозвался покраснѣвшій племянникъ:—мы, горячася, не понимаемъ совершенно другъ друга. Я привезъ съ собой моего пріятеля, — сказалъ онъ съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, — доктора Евстаѳія, который не вошелъ со мною, потому что внутреннее волненіе или, можетъ быть, другая какая причина не допустила его до этого.

— Не боленъ ли онъ?—спросила грустнымъ тономъ Мизя, идя къ дверямъ.

Тутъ сцена измѣнилась: графъ почувствовалъ необходимость отвѣтить Альфреду и поразить одновременно ухившую дочь; окончательно взбѣсившись, онъ схватилъ Мизю за руку и запальчиво закричалъ:

— Что ты бредишь, Альфредъ, какого пріятеля?

— Который со мною пріѣхалъ, дядюшка.

— Человѣка?

— Весьма уважаемаго и образованнаго человѣка, который былъ со мною всюду въ первыхъ гостиныхъ. Да, дорогой дядюшка, нынче никто не отдастъ предпочтенія исключительно только происхожденію.

Невозможно было высказать вещи болѣе жестокой и откровенной. Открытыя уста графа вдругъ замкнулись, губы сжались, онъ поси-нѣлъ, поблѣднѣлъ и, окинувъ взглядомъ Альфреда, произнесъ:

— Всякій—господинъ своего убѣжденія и поступковъ. Ты, милостивый государь, панъ графъ, можешь дружить съ кѣмъ тебѣ угодно, жить, съ кѣмъ тебѣ нравится, вѣрить во что приказываютъ тебѣ сумазбродныя головы, я же держусь старыхъ обычаевъ и вѣры. Un manant est un manant, un vilain, s'il n'est pas pis.—Послѣднія слова онъ договорилъ съ гнѣвомъ, отвернувшись и отошелъ.

Альфредъ замолчалъ.

— Тотъ человѣкъ, — шепнулъ онъ потомъ Мизѣ, — такъ деликатенъ, что не смѣлъ прямо войти, хотя я и просилъ его, но прежде просилъ меня спросить дядю—позволить ли онъ ему представиться и поблагодарить его.

— Слышишь, папа!—воскликнула Мазя, повторяя почти съ досадою слова Альфреда.—Право, я не узнаю тебя, папа, съ твоимъ сердцемъ, я иду его просить сюда.

— Какъ хочешь,—съ гнѣвомъ проворчалъ отецъ и подвинулся къ балкону, какъ-бы уходя.

Двери отворились, и спустя минуту Мизя возвратилась, ведя за собой бѣднаго Евстаѳа.

Въ сѣняхъ уже начался-было у нихъ смѣлый и живой разговоръ, но при видѣ графа, который стоялъ нахмурившись и принявъ строгій видъ, вошедшій не зналъ, что дѣлать. Альфредъ поспѣшилъ къ нему на помощь, въ нѣсколькихъ словахъ изъяснилъ его признательность графу, который стоялъ, какъ нѣмой, пожирая взглядомъ человека, прїѣздъ котораго дѣлался для него тягостью. Взоры всѣхъ обращены были на Бондарчука; всѣ удивлялись благородной осанкѣ, прекрасной наружности и тому выраженію силы и мужества, которыя его отличали; только необыкновенная блѣдность покрывала его лицо въ эту минуту.

Графъ вышелъ на балконъ; оттуда онъ могъ слышать разговоръ, а свидѣтелемъ его быть не хотѣлъ.

Освобожденные отъ стѣснительнаго его присутствія, Мизя и Альфредъ начали живой разговоръ, стараясь вмѣшивать въ него и Бондарчука, чтобы придать ему потерянную при входѣ смѣлость, но напрасно. Сознаніе своего положенія, еще не изглаженнаго своего рабства, какая-то душевная скорбь оковали языкъ Евстаѳа. Графъ напрасно напрягалъ слухъ, чтобы услышать хотя одно его слово. Наконецъ, Альфредъ умышленно обратился къ нему съ такимъ вопросомъ, который требовалъ непремѣннаго отвѣта. Разговоръ шелъ по-французски; Евстаѳъ на томъ же языкѣ правильно, чисто началъ объясняться.

Изумленіе графа было очень велико. Если бы Евстаѳъ заговорилъ по-китайски, по-гречески или на другомъ какомъ-нибудь рѣдкомъ языкѣ, графъ не такъ бы удивился этому.

— Мужикъ говорить по-французски! Это что-то такое неслыханное, необычайное. Говорить по-французски! — сказалъ графъ: — говорить, и хорошо! Это слишкомъ! А, понимаю,— и онъ усмѣхнулся горько, грустно и гнѣвно.

Пріятный, милый звукъ голоса сироты поразилъ Мизю; взволнованный его голосъ показался ей звучнѣе обыкновеннаго, она

посмотрѣла на него съ состраданіемъ и подумала «Бѣдный, бѣдный человѣкъ!»

Альфредъ раздѣлялъ ея мысль.

Стали подавать чай, графъ не возвращался съ балкона; раздосадованный, какъ ребенокъ, онъ не зналъ, что придумать. Войти — значило признать себя побѣжденнымъ, не войти — могло показаться страннымъ. Онъ сталъ на порогъ, не зная еще самъ, что дѣлать. Его занимала развязка вопроса, какъ поступить съ Евстаѣемъ? Видъ пріѣзжаго, а еще болѣе прелесть французскаго разговора, совершенно измѣнили мысли графа; выраженія Альфреда о пріятелѣ также сильно подѣйствовали на него. Съ чего же начать?

— *Qu'il aille se faire pendre ailleurs*, — сказалъ онъ себѣ съ досадой: — не хочу его.

И немного подумавъ, продолжалъ:

— А вѣдь онъ могъ бы быть полезнымъ, — увидимъ. Но, если онъ при мнѣ захочетъ сѣсть? Этого быть не можетъ! — Да нѣтъ! говорить по-французски, значить, послѣ этого уже все можетъ быть! Убирался бы къ чорту! *Ah! quelle perplexité!*

Между тѣмъ, разговоръ продолжался и дѣлался все свободнѣе; заговорили о балахъ, данныхъ австрійскимъ посольствомъ; Евстаѣй помогалъ Альфреду въ разсказахъ. Графъ кусалъ себѣ губы.

Въ это время у крыльца послышался топотъ. Графъ, страшно поблѣднѣвъ и лишась почти всякаго присутствія духа, схватилъ себя за голову. Онъ вспомнилъ, что въ этотъ же день обѣщалъ быть къ нему графъ Б..., называемый обыкновенно бригадиромъ, потому что когда-то занималъ эту степень въ полку, изъ котораго, впрочемъ, онъ вышелъ по причинамъ, не совсѣмъ для него лестнымъ. Что придумать, какъ поступить съ Остапомъ, бывшимъ въ гостинной? Ожидаемый гость принадлежалъ къ числу людей, особенно чванящихся и непринятыхъ въ число аристократовъ, а имѣющихъ страсть ими казаться. Дѣдъ его обкрадывалъ князей по довѣренности, отецъ слѣдовалъ примѣру дѣда, сынъ же женился уже богатымъ и по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ бѣднаго класса, все болѣе и болѣе дѣлался тщеславенъ. Онъ былъ полубаринъ, тщеславный и гордый, съ качествами, свойственными ихъ классу, разившимися въ немъ до высшей степени. Не знаю,

почему никто не осмѣливался быть близкимъ къ нему, а всѣ его боялись; развѣ причиной тому была злость его змѣинаго языка.

При одной только мысли, что прибывшій графъ-бригадиръ можетъ увидѣть Остана въ гостинной, графъ схватилъ себя за волосы, бросился было къ выходу и готовъ уже былъ выговорить: «убирайся вонъ», — какъ вдругъ двери растворились, и въ глубинѣ передней показалась румяная, ухмыляющаяся, съ низкимъ лбомъ, съ блистающими глазами, фигура бригадира. За нимъ шелъ сынъ его съ длинными волосами и испанской бородкой, только-что пріѣхавшій изъ Парижа.

Дѣлать было нечего. Графъ нашъ чуть не задохся и, проклиная себя въ душѣ, что не сохранилъ присутствія духа, поспѣшилъ навстрѣчу гостя. Проходя, однако же, мимо Альфреда, онъ шепнулъ ему:

— Представь его, какъ пріятеля, какъ француза, иностранца, чорта, но не какъ... Онъ не могъ уже докончить; бригадиръ былъ тутъ, взглядомъ окинулъ всѣ лица, находящіяся въ гостинной, и угадавъ нѣкоторыхъ и догадываясь, можетъ, и объ остальныхъ, снѣшилъ привѣтствовать всѣхъ. Евстаѣй, совсѣмъ сконфуженный, схватился за шляпу и хотѣлъ уйти.

— Останься, — сказалъ ему Альфредъ, — я выдамъ тебя за француза, моего пріятеля, иностранца.

— Ни за что не хочу лгать.

— Графъ приказалъ, ты разсердишь его ужасно, выходи твой изъ гостинной обратить общее вниманіе.

— Умоляю тебя, Альфредъ, пусти меня.

— Говорю тебѣ, останься.

Борясь самъ съ собою, Евстаѣй долженъ былъ остаться; онъ опустилъ голову, запрятался въ уголъ, чтобы какъ можно менѣе быть замѣченнымъ, и сталъ смотрѣть въ садъ. Послѣ необыкновенно нѣжнаго привѣтствія къ Альфреду, бригадиръ любопытный, какъ и всѣ полу-баричи, шепнулъ ему на ухо:

— Кто этотъ молодой человѣкъ?

— Докторъ, французъ, мой пріятель.

— А!...

Сынъ же бригадира, Оскаръ, отпускалъ въ это время разныя любезности Мизѣ, которая показывала видъ, что слушаетъ его со вниманіемъ.

— Кто такой тотъ панъ?—спросилъ онъ, немного спустя.

— Это Альфредъ, мой братъ, тотъ же другой...

Правда едва не обнаружилась, но вопросъ долетѣлъ до Альфреда и заставилъ его поспѣшно отвѣтить, что это иностранецъ, докторъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ.

Мизя, не зная ничего о приказаніи отца, посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Un homme très distingué, —добавилъ Альфредъ, —ни мало не смѣшавшись. —Voulez-vous faire sa connaissance?

— Comment donc!

Оба направили шаги къ Евстаѳію, который, завидя ихъ приближеніе, невыразимо смутился.

Ему одному только пришла мысль, что ложь должна выйти наружу. Конечно, послѣ свиданія въ Парижѣ, Евстаѳій нѣсколько измѣнился, но графъ Оскаръ долженъ былъ узнать его, наконецъ, потому, что они видѣлись и не одинъ разъ въ Сакванѣ. Альфреду и не пришло это въ голову; теперь только, въ минуту представленія, блеснула въ его головѣ мысль объ этомъ. Нимало, впрочемъ, не сконфузясь, онъ познакомилъ Евстаѳія съ Оскаромъ. Послѣдній, взглянувъ на новаго своего знакома, хотѣлъ, казалось, что-то сказать, потомъ, какъ человѣкъ сильно заботящійся о славѣ хорошо воспитаннаго джентльмена, принялъ рекомендуемаго за француза и не далъ даже почувствовать, что предполагаетъ какой-нибудь обманъ. Евстаѳій былъ какъ на горячихъ угольяхъ. Онъ, врагъ лжи, былъ пойманъ въ обманъ. Графъ, господинъ его, не подозрѣвая того, что произвела его выдумка, прекрасно разыгралъ роль. Скрывая свой гнѣвъ, онъ со всей любезностью, учтиво просилъ мнимаго иностранца приблизиться къ кругу гостей. Евстаѳій, приневоленный быть соучастникомъ обмана, вмѣшанъ былъ въ разговоръ безпрестанными вопросами (потому что его, какъ иностранца, забрасывали тысячами ихъ), и это невыносимо мучило его. Напрасно старалась Мизя ободрить его взглядомъ, улыбкой, пріятными словами. Онъ и графъ сидѣли, какъ два мученика. Оскаръ то подвигался къ Мизѣ, то осторожно и незамѣтно слѣдилъ за всѣми движеніями доктора.

Наконецъ, все болѣе и болѣе мучимый догадками и сомнѣ-

ніемъ, онъ незамѣтно началъ разговоръ съ Евстаѣемъ, взявъ его подъ руку и вывелъ на балконъ.

— Прошу извинить меня,—сказалъ онъ, можетъ быть, я ошибаюсь, но...

— Совершенная правда,—поспѣшно отвѣчалъ докторъ,— я тотъ самый, котораго вы видѣли въ Парижѣ. Я не долженъ былъ-бы находиться въ этой гостиной; поэтому графъ приказалъ принять мнѣ ложное имя, что мнѣ противно. Не осуждай же меня, панъ, за это. и прости графа; надѣюсь, что это останется тайной.

Графъ Оскаръ фыркнулъ такимъ громкимъ смѣхомъ, что взоры всѣхъ обратились на него; но, опомнясь, онъ сжалъ руку Евстаѣя и сказалъ: «Будь покоенъ!»

— Давно вы возвратились?

— Сегодня, почти сію минуту.

— И старикъ принялъ васъ?

— Какъ видишь.

Оскаръ началъ снова смѣяться.

— Какъ жаль, что онъ не родился во время Людовика XVI! — сказалъ графъ тихо.—Надо, однако, признаться, что онъ это сдѣлалъ безъ злого намѣренія, но на этотъ разъ попался.

Во время всего разговора на балконѣ, Альфредъ, графъ и бригадиръ не выпускали ихъ изъ виду, но наружность ихъ не давала возможности отгадать содержаніе ихъ разговора.

Входя-же въ комнату, Евстаѣй и Оскаръ начали говорить о Парижѣ, и всѣ успокоились.

Забавнѣе всего было видѣть хозяина дома, который боролся съ чувствомъ непріязни, которое ощущалъ противъ Евстаѣя, а между тѣмъ, связанный собственной ложью, долженъ былъ обходиться съ нимъ, какъ можно вѣжливѣе, какъ съ гостемъ и иностранцемъ.

Альфредъ также едва могъ удержаться отъ смѣха. Приближающееся время ужина еще болѣе навлекло - бы затрудненій, если бы истомленный Евстаѣй не попросилъ позволенія удалиться, подъ предлогомъ головной боли.

Новая тревога для хозяина.

Для большого униженія вновь прибывшаго и не желая вывести его изъ прежняго его положенія, графъ, въ первую минуту,

приказалъ ему назначить жилье въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ избушекъ на хуторѣ. Теперь же онъ боялся, чтобы все это не обнаружилось, и потому съ принужденіемъ сказалъ, прощаясь учтиво съ уходящимъ:

— Панъ будетъ жить съ Альфредомъ.

Стоявшій тутъ его камердинеръ, который прежде получилъ совершенно противное приказаніе, стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Ясновельможный панъ... — началъ было онъ.

— Докторъ жить будетъ съ Альфредомъ, — добавилъ очень явственно графъ, значительно посмотрѣвъ на камердинера.

— Мнѣ, вѣроятно, послышалось, что ясновельможный графъ...

— Докторъ будетъ находиться при Альфредѣ, — повторилъ хозяинъ еще внятнѣе и съ гнѣвомъ.

Раскраснѣвшійся Евстаѣй оставилъ, наконецъ, гостиную и машинально послѣдовалъ за камердинеромъ.

Но этимъ не кончились еще его мучительныя приключенія. Исторія Остапа извѣстна была всей деревнѣ, его уже давно ждали, пріѣздъ его взволновалъ всѣхъ и заинтересовалъ деревню и дворовыхъ. Разговорами, разсказами, насмѣшками и догадками не было конца.

Когда-же онъ пріѣхалъ, никто его не узналъ, и только чрезъ людей Альфреда они открыли, что это онъ; назначенная же квартира утвердила ихъ въ этомъ открытіи. Каждый изъ дворовыхъ, разсказывая по своему исторію Остапа, хотѣлъ видѣть его, услышать голосъ его, посмотрѣть на мужика, вышедшаго въ паны. Старый скальскій камердинеръ, шляхтичъ Аслива Герба, зная походы Остапа, счелъ за нужное проводить его до квартиры и поручилъ огромному и сильному казаку Дубинѣ — довести этого пана до комнаты графа Альфреда. Съ поникшей головой двинулся Остапъ, когда Дубина насмѣшливо воскликнулъ безъ церемоніи:

— Пойдемъ.

Сто глазъ обращены были съ разныхъ сторонъ изъ отворенныхъ дверей, изъ оконъ, изъ-за угловъ, на шествіе по двору прибывшаго Остапа. Около хутора, гдѣ ему сперва назначена была квартира, стояла толпа мальчишекъ, прачекъ, поваренковъ, кучеровъ ожидающихъ его. Около флигеля тѣснилась тоже многочисленная дворня.

— Это онъ, это онъ!—шептали они, приближаясь:—смотри, это онъ!

— Эхъ, этого быть не можетъ! Это не онъ!

— Право-же, онъ.

— Не онъ!

Услыхавъ эти слова, Остапъ поднялъ голову и, вздыхая, съ глазами полными слезъ, привѣтствовалъ любопытную толпу. Слезы, висѣвшія на рѣсницахъ, потекли свободно по лицу его, но никто ихъ не замѣтилъ. Въ ту же минуту Дубина, отворивъ двери флигеля и, показывая предназначенное ему жилище, сказалъ:

— Тутъ!

Теперь возвратимся снова въ гостиную, гдѣ зашелъ обыкновенный деревенскій разговоръ.

Бригадиръ, постоянно желавшій доказывать законность своихъ связей съ панами, непрерывно приводилъ знаменитыя фамиліи графовъ, князей, бароновъ, съ которыми жилъ, къ которымъ писалъ и съ которыми былъ въ родствѣ. Это уже вошло у него въ обыкновеніе, въ привычку. Молодой Оскаръ говорилъ постоянно о Парижѣ; только объ этомъ рассказывалъ онъ легко, хорошо и съ большимъ одушевленіемъ. Мизя слушала его шутиливо, насмѣшливо. Альфредъ, грустный, задумчивый, рѣдко вмѣшивался въ разговоръ. Хозяинъ же, противъ обыкновенія, показывая видъ невозмутимой веселости, говорилъ болѣе всѣхъ, со всѣми и о всемъ съ какимъ-то горячимъ интересомъ и почти съ болѣзненнымъ жаромъ.

Около десяти часовъ всѣ разошлись, утомленные. Альфредъ поспѣшилъ въ свою комнату, чтобы скорѣе явиться къ своему пріятелю на помощь.

— Гдѣ панъ Евстаѣй?—спросилъ онъ, входя и не видя его.

— Былъ здѣсь и приказалъ принести свои вещи.

— Это хорошо, но гдѣ же онъ самъ?

— Не знаю, вышелъ.

— Давно?

— Болѣе часа.

V.

Комнаты, назначенныя Альфреду, выходили одной стороною въ садъ, въ которомъ, сквозь тополи и старыя ольхи, виднѣлась

готическая часовня. Ночь была чудная, ясная, тихая; на безоблачномъ небѣ блистали звѣзды и свѣтился полный мѣсяцъ. Въ это время Евстаѣй, желая освободиться отъ тяжкихъ внутреннихъ терзаній, отправился въ назначенное ему жилье и, пройдя, какъ сквозь строй, подъ взорами любопытныхъ дворовыхъ, упалъ на диванъ. Стараясь успокоиться, онъ не могъ никакъ привести свои мысли въ порядокъ. Онѣ бродили у него въ головѣ кучею, въ безпорядкѣ; разные минуты его жизни мелькали передъ нимъ и сливались въ одно нестройное цѣлое. Дѣтство, отрочество, передвигались то черными, то ясными тѣнями; соединяясь вмѣстѣ, не походя другъ на друга, онѣ имѣли какое-то сродство между собою. Вотъ онъ, бѣдный ребенокъ—между погорѣвшею дворнею, ищущею пріюта; потомъ воспитаникъ графини, угнетенный ученикъ въ школахъ, пріятель Альфреда, наконецъ, теперь гость своего господина. Что будетъ со мной далѣе?—задавалъ онъ себѣ вопросъ, и не могъ даже приблизительно отвѣтить на него. Мало-по-малу, все стало яснѣе и очевиднѣе обрисовываться передъ нимъ; онъ опомнился, всталъ и подвинулся къ двери, ведущей въ садъ. Въ эту минуту, взгляды, брошенный на деревню, сжалъ его сердце: отецъ, мать, деревенская родня, хата, сельское кладбище—начали призывать его къ себѣ.

Онъ схватилъ шляпу и вышелъ.

Долго блуждалъ онъ по саду, ища дорогу, по которой могъ-бы выйти въ деревню. Калитка, изнутри запертая, выводила на дорогу къ деревнѣ; къ ней-то онъ и направился.

Полный мѣсяцъ, подымаясь все выше и выше, освѣщалъ широкую и длинную деревенскую улицу.

По обѣимъ сторонамъ чернѣлись стоявшія въ тѣни низкія избышки; въ окнахъ кое-гдѣ блисталъ красноватый свѣтъ лучины. Надъ крышками возносились, какъ тѣни сторожей, верба, гибкій вязъ, береза въ бѣломъ одѣяніи и осина съ дрожащими листьями. Тамъ и сямъ, на улицѣ и дворахъ, вытягивалась длинная журавлиная шея колодца; закопченные трубы поднимались еще выше. Еще далѣе отражалась тѣнь церкви съ тремя куполами, мрачными портиками, темная снизу, свѣтлая вверху, съ блестящею желѣзною крышею. Изъ-за заборовъ, искусно устроенныхъ изъ соломы, прутьевъ, кустовъ, висѣли вишневя,

грушевые и яблоневые деревья. Въ деревнѣ было тихо; только кое-гдѣ раздавался грустный мотивъ пѣсни, а изъ отдаленной порчмы долеталъ крикъ и бречанье скрипокъ и цымбаловъ. Этотъ крикъ пьянаго разгула придавалъ еще болѣе грустный видъ деревнѣ, какъ будто не населенной, вымершей. Всѣ уже были по хатамъ, нѣкоторые ужинали.

Остапъ шелъ по деревнѣ съ невыразимой тоской, отыскивая знакомое ему мѣсто, на которомъ стояла прежде изба его. Онъ приближался къ этому мѣсту съ биеніемъ сердца, и нашелъ его.

Загороженный дворикъ заключалъ въ себѣ новую хату; только старая груша держалась еще. Остапъ узналъ родное обиталище, оперся на частоколъ и задумался.

Увѣреніе управителя было невѣрно, когда онъ ручался графу, что Остапъ не имѣетъ родныхъ въ деревнѣ. Родители его дѣйствительно умерли въ горячкѣ, но родные и старая бабка были еще живы; по возстановленіи мира въ 1813 году, они всѣ возвратились. Пока Остапъ не уѣзжалъ, онъ часто видался съ ними; но теперь, давно уже не имѣя объ нихъ извѣстія, не зналъ, живы ли они. Братъ его отца, занявъ мѣсто покойнаго жилъ въ хатѣ съ бабкой. Когда Остапъ уѣзжалъ съ Альфредомъ за границу, лачужка, врытая на половину въ землю, укрывала вновь поселенныхъ. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ избу, чтобы опредѣлить, по наружности ея, положеніе своихъ родныхъ.

Остапъ, какъ и всѣ лишенные семейныхъ сердечныхъ связей, желалъ ихъ и жаждалъ, вся любовь его сосредоточилась на родныхъ. Съ большимъ беспокойнымъ любопытствомъ бросилъ онъ взглядъ во дворикъ. Обнесенный плетнемъ съ деревянными воротами, тѣсный, тонкій, съ одной стороны окруженный огородцемъ, а съ другой хлѣбами, дворикъ заставленъ былъ въ эту минуту недавно выпряженнымъ возомъ, сохою и нѣсколькими осиновыми бревнами. Узкая тропинка, выстланная конопляной кострикой, вела къ низкимъ дверямъ хаты. Въ окнѣ ея мерцалъ еще тусклый свѣтъ.

Остапъ взмошелъ, взволнованный; собака начала рваться съ цѣпи и привѣтствовала его неотступнымъ лаемъ. Дверь скрипнула, высунулась голова и, посмотрѣвши, исчезла; вскорѣ потомъ высунулась съ любопытствомъ другая голова, собака все еще лаяла, но уже тише, какъ-бы желая доказать, что бдительность хозяевъ освобождала уже ее отъ ея обязанности.

— Добрый вечеръ!—сказалъ Остапъ.

— А кто тамъ?—спросилъ голосъ изъ избы.

— Остапъ Бондарчукъ.

Говоря это, — онъ подошелъ къ двери.

— Остапъ! Остапъ!—повторило тихо нѣсколько голосовъ. — Остапъ прѣхалъ.

Изъ тѣсныхъ сѣней, отдѣленныхъ отъ избы высокимъ порогомъ, вошли въ нее два мужика, которые стояли въ сѣняхъ, Остапъ за ними. Въ избѣ было почти темно, погасающая лучина горѣла передъ печью и бросала вокругъ себя блѣдный свѣтъ; дымъ застилалъ глубину хаты. Сначала нельзя было разсмотрѣть даже лицъ близко сидѣвшихъ.

Свѣтлица не заслуживала совсѣмъ этого названія, потому-что два узенькія окошка мало пропускали въ нее свѣта. Неукладная печь съ лежанкой, служившей постелью и лавкой, занимала значительную ея часть. Вдоль стѣнъ стояли шатающіяся лавки изъ необтесанныхъ досокъ, въ углу — квашня подъ образами и столъ, обдѣланный топоромъ. Ткацкій станокъ скрадывалъ еще одну стѣну, а за нимъ скрывалась низкая кровать съ ободранной постелью. На полкѣ, на веревкѣ висѣла качалка. У дверей лоханка и ведра; бочка, разный скарбъ, состоящій большею частью изъ горшковъ, занимали цѣлый уголъ. Тѣснота была невыносимая, воздухъ удушливъ, проникнуть запахомъ пищи, дыма и прѣли. Небольшой темный чуланъ и изба служили жильемъ этой семьѣ, состоящей теперь изъ двухъ братьевъ, сестры, жены старшаго брата, маленькаго ребенка и старой бабки. Постелями служили имъ печь, лежанка, сырой, убитый глиной, полъ, одна кровать, одинъ свободный уголъ въ чуланѣ; лѣтомъ — амбары и житница. Изба, названная свѣтлицей, была общео; въ маленькихъ сѣняхъ помѣщался мелкій скотъ и птицы, поросята и хозяйская рухлядь. Едва можно было пройти. Дождь, чрезъ крышу, лился потокомъ подъ ноги, а зимой только дымъ согрѣвалъ воздухъ: отъ печи пышетъ, отъ стѣнъ дуетъ; а весной лужи воды стоятъ въ сѣняхъ и избѣ. Ясно, что человѣкъ въ такой средѣ не можетъ быть здоровъ и веселъ.

— Остапъ!—повторило нѣсколько голосовъ.

— Какъ поживаете, — а бабка?

— Жива.

— А дядя?

— На томъ свѣтѣ.

— А вы?

— Какъ видите! Живемъ, бѣдствуемъ.

— У васъ бабка?

— У насъ, но старуха спитъ, — отвѣчалъ старшій братъ.

Всѣ окружили Остапа съ любопытствомъ; два двоюродные брата, сестра, невѣстка съ ребенкомъ на рукахъ смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Братья были молодые ребята, проворные, сильные, высокіе; старшій, женатый, имѣлъ взглядъ и выраженіе мрачные; меньшой же — хитрый, съ насмѣшливой фізіономіею. Онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза, а всегда исподлобья, и потихоньку усмѣхался; лобъ закрывалъ волосами, какъ-бы боясь, чтобы на немъ не угадали его мыслей. Другой же, напротивъ, всегда высоко держалъ голову, лобъ его былъ преждевременно покрытъ морщинами, взоръ печаленъ и слезливъ.

Сестра ихъ была дѣвушка лѣтъ 20-ти, свѣжая, румяная, съ голубыми глазами, съ пріятнымъ лицомъ, розовыми губами, высокой грудью и сильными руками, полная жизни, не думающая о завтрашнемъ днѣ. Веселыя пѣсни, нашептыванія любви по вечерамъ украшали ея трудовую жизнь.

Невѣстка, смуглая брюнетка, стройная, съ черными, блестящими глазами, маленькимъ ртомъ, красивымъ носомъ, была очень пригожа. Малый ребенокъ дремалъ, убаюканный на рукахъ женщины; свѣтъ лучины падалъ на его кругленькое личико.

Такова была родня Остапа, которую онъ привѣтствовалъ, цѣлуя всѣхъ, пожимая имъ руки съ невыразимымъ волненіемъ.

Эти люди, какъ дѣти, съ жаднымъ любопытствомъ окружили его, наблюдая каждое движеніе, наклоненіе головы, слово, разсматривали платье, осанку, лицо.

— И кто-бы сказалъ, что это нашъ братъ! — воскликнулъ старшій, отъ души цѣлуя Остапа. — Господь Богъ поможетъ вамъ, что своихъ не забываете. Садитесь.

Взявъ его за руку, хозяинъ избы, Федоръ, посадилъ его около себя на лавкѣ; другой братъ схватилъ его за другую руку, прижался съ другой стороны, невѣстка и Зоя, сестра, стали передъ ними.

— Расскажите мнѣ, — сказалъ Остапъ, — какъ вы здѣсь жили и какъ живете; много, много времени мы не видались. Дядя умеръ?

— Умеръ! — угрюмо отвѣчалъ Ѳеодоръ, — годъ тому, не своей смертью!

— Какъ это?

— Землей засыпало, когда песокъ копалъ; не похоронили даже на освященной землѣ! Вѣчный ему покой! Довольно потрудился въ жизни.

Невѣстка, уложивши ребенка въ качалку, подошла къ Остапу и спросила, обращаясь къ нему и къ мужу:

— Чѣмъ-же бы намъ угостить гостя? Водки, вѣроятно, не пьете?

— Благодарю, — сказалъ Остапъ. — Давно черного хлѣба, нашего хлѣба не ѣлъ, дайте мнѣ кусочекъ; это будетъ лучшее для меня угощеніе.

— Сухимъ хлѣбомъ только нищихъ потчуютъ, — воскликнулъ Яковъ, — ты хочешь насъ пристыдить, какъ будто-бы у насъ ничего уже болѣе нѣтъ! Солонина есть и...

— Хлѣба и воды! — повторилъ Остапъ, — ничего болѣе не хочу — черного хлѣба, которымъ питался въ дѣтствѣ, и воды изъ нашего ручья.

— Я принесу свѣжей, — весело воскликнула Зоя и, схвативъ сильной рукой ведро, побѣжала, напѣвая пѣсню.

— Развѣ тебѣ взгрустнулось о черномъ хлѣбѣ, живя на бѣломъ? — спросилъ Ѳеодоръ.

— Не вѣришь? Не разъ тосковалъ я по немъ и по родинѣ, — грустно отвѣчалъ Остапъ. — Родная земля влечетъ къ себѣ ото всюду. Страшно умереть на чужой.

— О, это правда! — повторила невѣстка, — не то, что родная земля, а даже свой уголъ. Наша деревня недалеко, а мнѣ и то тяжело. Какъ выйдемъ на барщину, я погляжу на деревья, которые издали виднѣются, такъ мнѣ и отрадно становится.

Въ то время, какъ они разсуждали, а Ванька подбавлялъ лучинъ, чтобы болѣе освѣтить избу, изъ-за ткацкаго станка поднялась и забѣлѣлась странная фигура, какъ-бы выросшая вдругъ изъ темнаго угла. Это была старая бабка Акулина; свѣтъ падалъ на нее съ боку и освѣщалъ фантастическій уродливый ея образъ.

Высокая, худая, полусгорбленная, съ сухими ногами, желтой грудью, кости которой можно было сосчитать,—она встала, вытянула морщинистую шею и руку худую, черную, изсохшую.

Сѣрая грубая рубаха, такая-же юбка и фартукъ, служившій ей покрываломъ, составляли все ея убранство. На головѣ сѣдые, растрепанные волосы; изъ-подъ волосъ видѣлись желтые виски, на которыхъ кожа совершенно сморщилась. Глаза, глубоко впалые, погасшіе, едва только свѣтились остаткомъ жизни, ность упалъ на нижнюю губу, нижняя челюсть поднялась къ верху. Въ эту минуту ротъ у нея былъ открытъ отъ удивленія, и видѣлся одинъ уцѣлѣвшій зубъ.

Пробужденная отъ сна, Акулина встала и всматривалась съ любопытствомъ въ необыкновенную для нея сцену. Она какъ-бы догадывалась, что это Остапъ передъ ней; но сны, ею видѣнные, не разошлись еще въ ея головѣ, и она сомнѣвалась, видѣть она его на яву, или во снѣ.

Объ эту пору, ночью... что ему здѣсь дѣлать?..

Федоръ толкнулъ брата и показалъ ему старуху; Остапъ поспѣшилъ подойти къ ней.

— А это ты! это ты!—вскричала она, плача;—я думала, что глаза мои не увидятъ тебя, милое дитя мое. Господь съ тобою! Возвратился, но дядю не засталъ. Умеръ!

И она начала утирать глаза изсохшей рукой.

— Здоровъ-ли, здоровъ-ли? Порадуй мое сердце, порадуй.

Остапъ ничего не отвѣчалъ.

— Молчишь?—промолвила она. И тебѣ не лучше? Такъ Богу угодно, пусть будетъ Его Святая воля. Вотъ Господь послалъ Фёдькѣ жонку, а мнѣ правнука! А ты не женился въ это время за моремъ?

— Я! Никогда, никогда!—прервалъ Остапъ.—На что мнѣ жениться? Самому тяжело на свѣтѣ, а вдвоемъ еще тяжелѣй.

— Легче,—молвила старуха, повѣрь мнѣ.

Зоя вбѣжала въ избу со свѣжей водой.

— У насъ будетъ вечерница, — сказала она, — вся деревня валить къ намъ. Идя за водой, я встрѣтилась съ Васильемъ, который хотѣлъ меня удержать, но я сказала, что мнѣ некогда: сѣдшу къ гостю; какъ только онъ узналъ, кто у насъ, то во всю прыть побѣжалъ къ своимъ. Со всѣхъ сторонъ сходятся.

— Не надо было говорить, — сказалъ Остапъ. — Кто знаетъ, что подумаетъ объ этомъ панъ!

— Правда, правда, — прервалъ Өедька, — могутъ позднѣе пови-
даться, а не всѣ разомъ, Пойду скажу имъ.

Онъ поспѣшилъ во дворикъ, гдѣ уже слышенъ былъ шумъ приходящихъ. Между тѣмъ Акулина наинула худую сермягу, потому что другихъ старые не носятъ, и сѣла на лавку, чтобы лучше разспросить Остапа. Поставили хлѣбъ, соль и воду передъ гостемъ. Взявъ въ ротъ давно уже не отвѣдываемаго хлѣба, онъ облокотился печально на столъ; Ванька побѣждалъ за водкой въ корчму; никакой пріемъ безъ нея обойтись не можетъ, и хотя Остапъ объявилъ, что не пьетъ но все-таки, по крайней мѣрѣ, надо было поставить ее на столъ.

Одинъ только старый Романъ Кроба вошелъ въ избу, упроставъ Өедьку; прочіе же, хотя мучилась любопытствомъ, стали поодаль и болтали на улицѣ. Романъ былъ старѣйшимъ крестьяниномъ въ деревнѣ. Высокій, сильнаго сложенія, почти черный отъ загара, съ выбритой, по старинному, головою, съ чубомъ волосъ, съ отпущенной серебристой бородой, въ синемъ кафтанѣ, онъ вошелъ съ поклономъ въ избу, опираясь на палку, и съ любопытствомъ приблизился къ Остапу.

— Кто-бы это могъ предвидѣть? — сказалъ онъ, — изъ бѣднаго ребенка вышелъ такой баринъ! Помню, когда у насъ были французы, сирота хлѣба не имѣлъ. Вотъ счастье!

— Ты называешь это счастьемъ, Романъ? — сказалъ Остапъ, а я вамъ завидую.

— Говори, что хочешь, — отвѣчалъ старикъ, кивая головой, — но что правда, то правда.

Тутъ началось потчеванье, стаканчикъ началъ ходить, а съ нимъ усилились и разговоры. Каждый рассказывалъ свои дѣла, свои мученія; присутствующіе, зачастую сами страдальцы, смѣялись еще надъ чужими бѣдами.

Картина, которую представляла въ эту минуту внутренность избы, достойна была кисти художника: такъ она была оригинальна и живописна. Среди загорѣлыхъ крестьянскихъ лицъ блѣлое, прекрасное лицо Остапа отличалось выраженіемъ грусти и величія; около него сѣдобородый Романъ, дряхлая Акулина, румяная и веселая Зоя, печальная невѣстка, угрюмый ея мужъ,

насмѣшливый Ванька, — все это группировалось въ одно цѣлое и, въ глубинѣ темной хаты, освѣщалось живымъ блескомъ лучины. Зоя не спускала глазъ съ Остапа, веселая дѣвушка помнила его мальчикомъ и любила его еще ребенкомъ. Теперь это чувство какъ-то сильнѣе, живѣе заговорило въ ней при видѣ взрослого уже мужчины; но она инстинктивно чужала все различіе своего и его положенія. Много разъ лазурные глазки ея устремлялись на него и потуплялись; она безпрестанно поправляла себѣ волосы, осматривалась, искала его взгляда — не взглянетъ-ли на нее, но напрасно: вполне занятый старухой и братьями, онъ почти не замѣчалъ сестры.

Время быстро проходило, и Остапъ, наконецъ, началъ прощаться.

— Я провожу тебя, — сказалъ Оедька. — Конечно, ты остановился во дворѣ?

— Да, во дворѣ; мнѣ пора уже возвратиться, пойдемъ же.

Взоры всѣхъ провожали уходящихъ. Остапъ съ братомъ пошли по улицѣ.

— Теперь, когда мы одни, — сказалъ братъ тихо, — ты можешь мнѣ довѣриться и сказать, что думаешь ты предпринять, братъ?

— Развѣ я знаю, — сказалъ Остапъ, — развѣ я могу распоряжаться собою? Будетъ, что прикажутъ.

— Что, тебя не отпустили на волю?

— Нѣтъ, и не надѣюсь на это, — графъ меня никогда не любилъ.

— Вся надежда на паночку, у ней доброе сердце, и если бы она могла...

— Развѣ она можетъ что-нибудь?

— Въ малыхъ вещахъ. Господь съ ними, что-то будетъ!

Остапъ долженъ былъ повернуть на дворъ, но сердце вело его не туда. Съ перваго шага за ворота, потянуло его къ кладбищу, могилы матери и отца влекли его къ себѣ. Онъ зналъ, что это могло смутить его брата. Наконецъ, онъ рѣшился сказать ему объ этомъ.

— Оедя, я былъ у живыхъ, теперь надо зайти поклониться и умершимъ.

— Гдѣ?

— На могилѣ.

— Ночью!

— Тѣмъ-то и лучше, никто насъ не увидитъ, а хочется мнѣ поклониться роднымъ могиламъ и помолиться за отца и мать. Пойдемъ со мной?

— А духи?

— Ничего дурнаго они намъ не сдѣлаютъ; иди съ молитвой.

— Пойдемъ. А если-бы ты былъ одинъ, пошелъ-бы?—спросилъ Ѳеодоръ.

— Пошелъ-бы.

— И я ничего не боюсь одинъ, но ночью на кладбищѣ! Первый разъ тамъ буду.

Они шли молча. Остапъ думалъ.

Ворота были отперты, а могилы заросли совсѣмъ высокой травой и терномъ.

Направо, подъ каменнымъ крестомъ, была могила Бондарчуковъ.

Ѳеодоръ вошелъ крестясь, но не безъ страха; Остапъ же сталъ на колѣна и долго молился.

Когда онъ всталъ, то третья темная фигура показалась вдругъ въ воротахъ кладбища. Ѳеодоръ пронзительно вскрикнулъ и отскочилъ, повторяя:

— Духъ! духъ!

— Это я! — отвѣчалъ Альфредъ, — пойдемъ.

— Это ты? Здѣсь?

— Я, пора возвратиться — простись съ товарищемъ, пойдемъ, я уже часъ ищу тебя, очень беспокоился, къ счастью увидалъ двѣ тѣни, идущія къ кладбищу, догадался, что это долженъ быть ты.

Говоря это, онъ взялъ Остапа подъ руку, оставляя Ѳедьку, который вертѣлъ въ рукахъ соломенную шляпу, не понимая, что-бы это значило.

— Мы должны поговорить, — сказалъ Альфредъ, отойдя нѣсколько шаговъ, — вижу по всему, что ты съ моимъ милымъ дядюшкой не въ состояніи будете понять другъ друга. Онъ видитъ въ тебѣ мужика, словомъ, существо...

— Существо, которое недостойно быть съ нимъ близко.

— Ты оставаться здѣсь не можешь.

— Не могъ-бы, если-бы не долженъ былъ оставаться.

— Собственно, объ этомъ-то мы и должны поговорить.

— Переломить его невозможно.

— Я думаю напротивъ, графъ освободить тебя.

— Не захочеть.

— Я, позволю и не обижайся, я съ нимъ объ этомъ по-толкую.

— Послушай, Альфредъ,—сказалъ взволнованнымъ голосомъ Евстаѳій,—я обязанъ ему моимъ образованіемъ и долженъ чѣмъ-нибудь заплатить; выплачу трудомъ. Могъ-бы ты заплатить за меня и, вѣроятно, думаешь объ этомъ, но я этого не позволю. Пора мнѣ самому подумать о себѣ. Тяжелый, можетъ быть, уни-зительный жребій ожидаетъ меня, но я перенесу его съ муже-ствомъ. Чувствую въ себѣ силу. Кромѣ того, на мнѣ лежатъ еще другія обязанности: у меня есть родные, люди бѣдные, крестья-не, которыхъ оставить изъ одного только самолюбія — мнѣ не позволяетъ моя совѣсть. Оставшись здѣсь, я могу быть имъ полезнымъ, а потому я останусь, я люблю ихъ.

Альфредъ молча пожалъ руку пріятеля.

— Послушай меня,—сказалъ онъ,—ты прекрасно говоришь; но это—мечты. Оставшись здѣсь, что ты сдѣлаешь одинъ, без-сильный, противъ всѣхъ? Ты любишь ихъ, и по-неволѣ долженъ будешь смотрѣть на мученія братій своихъ, не имѣя средствъ помочь имъ. Что-же касается до испытаній, которыя пали на тебя, то теперь, въ эту минуту, я долженъ тебѣ сознаться, что большая часть ихъ происsteкаетъ совсѣмъ изъ другого источ-ника. Ты будешь вольнымъ. Умоляю тебя, позволю мнѣ погово-рить съ графомъ.

Останъ думалъ.

— Я останусь здѣсь,—сказалъ онъ,—не говори, Альфредъ, что я ни на что не могу быть годенъ моимъ бѣднымъ братьямъ; утѣшительное слово, грошъ вспомошествованія,—великое для нихъ дѣло.

— Но ни отъ словъ твоихъ, ни отъ денегъ ты паномъ не станешь, оставаясь здѣсь. А какъ вольный, свободный, ты больше можешь принести имъ пользы. Наконецъ, можетъ быть, я склоню графа отпустить всю твою родню.

Альфредъ замолчалъ. Пройдя тополевою улицу, молча, вошли они въ комнату Альфреда, гдѣ застали незнакомаго имъ муж-

чину, съ огромными черными бакенбардами, выпученными глазами, длинными усами, въ затынутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ. Альфредъ, со свойственной ему учтивостью, приблизился къ нему, какъ-бы желая знать, что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Съ позволенія ясновельможнаго графа, имѣю передать распоряженіе ясновельможнаго пана вашего дядюшки.

— Мнѣ? — спросилъ Альфредъ смѣясь.

— А, сохрани Боже, ясный панъ! Оно касается Остапа Бондарчука, — вымолвилъ онъ, умышленно возвышая голосъ.

Альфредъ вспыхнулъ.

— Прежде чѣмъ вельможный панъ скажетъ мнѣ то, что долженъ передать, — проговорилъ Альфредъ быстро, — я долженъ извѣстить тебя, что панъ Евстаѳій мой пріятель, и что можно-бы было называть его поучтивѣй.

— Прошу извиненія у яснаго пана, — возразилъ живо управитель, — я не привыкъ говорить иначе съ хлопами.

Остапъ, видя, что Альфредъ за одно еще выговоренное слово вытолкаетъ вонъ грубіяна, подошелъ и спросилъ спокойно:

— Что мнѣ панъ прикажетъ?

Управитель, окинувъ его свысока взглядомъ, сказалъ:

— Ясный графъ желаетъ, чтобы онъ завтра рано утромъ отправился въ деревню Бѣлую Гору и занялся госпиталемъ; жиду арендатору приказано его отвезти; квартира назначена въ сосѣдней избѣ, гдѣ и кормить его будутъ. Надзоръ за лазаретомъ будетъ на его отвѣтственности. Четверка запряженныхъ лошадей пріѣдетъ чѣмъ-свѣтъ. Безъ вызова и позволенія, ясновельможный графъ не позволяетъ отлучаться ему ни на шагъ.

— Хорошо; сдѣлаю, какъ мнѣ приказали. Тутъ все, въ чемъ заключается распоряженіе?

— Ясновельможный графъ приказалъ добавить, что по своей милости дастъ еще годовую плату, — сто золотыхъ и одежду.

Остапъ ничего не отвѣчалъ; но, чтобы понять, какъ это было ему прискорбно, прибавимъ еще, что люди Альфреда присутствовали при этой сценѣ.

— Прошу, однако, несмотря на приказаніе, — прервалъ Альфредъ, — остановить отправленіе, потому что я переговорю бѣ этомъ съ графомъ.